

Шлоссер Ф.К.

История восемнадцатого
столетия и девятнадцатого до
падения французской империи, с
особенно подробным изложением хода
литературы. Т 4

СПБ.: 1868

ЧТЕНІЯ

54

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ЧЕРКЕСОВА.

Библиотека состоитъ изъ русскихъ и французскихъ книгъ,
открыта въ будни отъ 10 часовъ утра до 9 часовъ вечера,
праздники—отъ 12 до 4 дня.

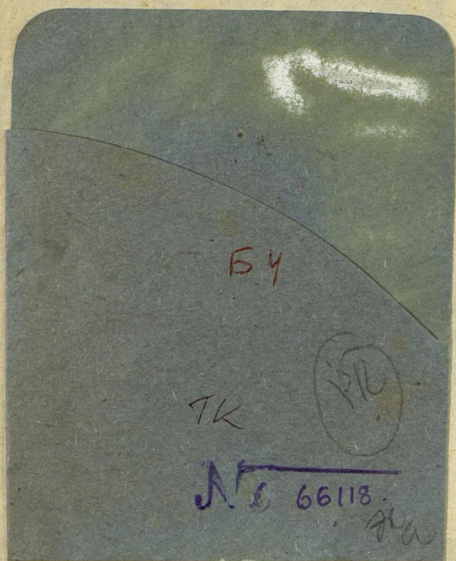
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библиотеки, Домикова. № 4.

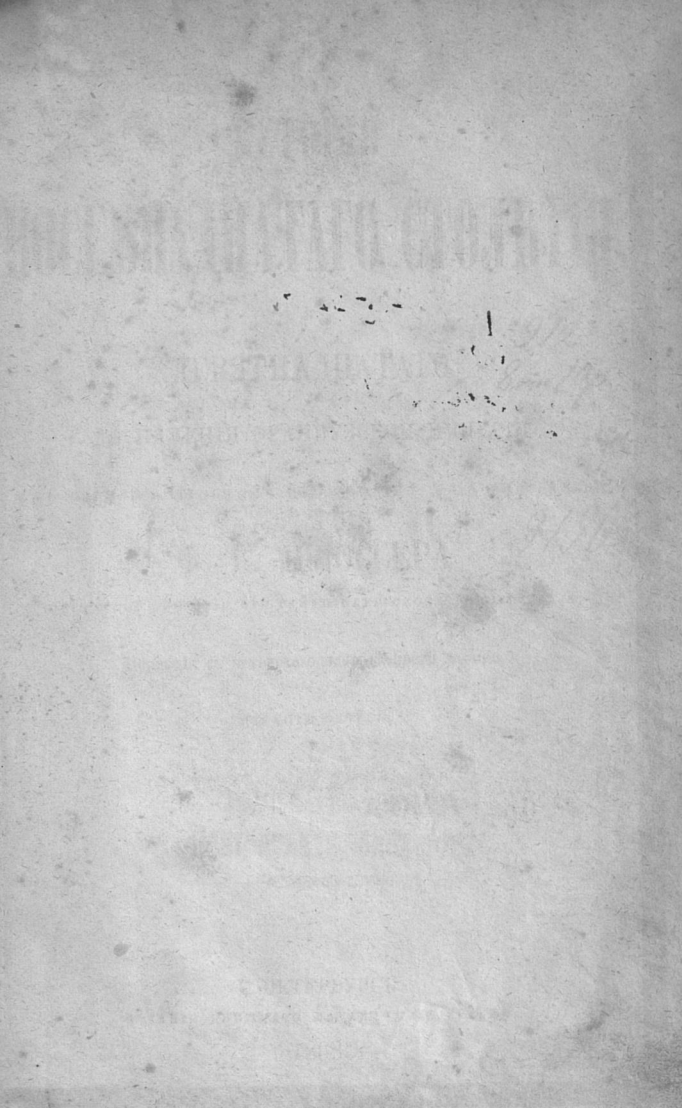
Включено
в
каталог

1865 г.

и к Б.У.

1000

212
991-8

1000

94
21. АВГ. 1903

ИСТОРИЯ ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ

И

ДЕВЯТНАДЦАТАГО

ДО ПАДЕНІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРІИ

СЪ ОСОБЕННО ПОДРОБНЫМЪ ИЗЛОЖЕНІЕМЪ ХОДА ЛИТЕРАТУРЫ

Ф. К. ШЛОССЕРА

ПРОФЕССОРА ИСТОРИИ ПРИ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Переводъ съ четвертаго исправленнаго изданія.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

1890 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА ЧЕРКЕСОВА

1868.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ЧЕРКЕСОВА,

(Спб., Невскій пр., противъ Публичной библіотеки, д. Демидова, № 54—3).

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- Афанасьевъ.** Поэтическія возрѣнія славянъ на природу. 2 т. 1868 г. Ц. 5 р.
- Бокль.** Исторія цивилизаціи въ Англіи. 2 т. Перев. съ англійскаго Буйницкаго. Ц. 5 р. 50 к.
— тоже безъ цитатъ и примѣчаній. Ц. 3 р. 50 к.
- Баратынскій Е. А.** Сочиненія. Съ портретомъ автора. М. 1869 г. Ц. 3 р.
- Горчаковъ.** Монастырскій приказъ. 1868 г. Ц. 2 р.
- Градовскій.** Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Т. I. 1868 г. Ц. 2 р.
- Гильфердингъ, А.** Собраніе сочиненій. 2 т. 1868 г. Ц. 5 р.
- Герье, В.** Лейбницъ и его вѣкъ. 1868 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Герберштейнъ.** Записки о Москвитинѣ. (Rerum Moscoviticarum commentarii). 1867 г. Ц. 1 р.
- Гервингъ.** Исторія XIX вѣка. Т. I, III и V по 2 р. т. II. Ц. 2 р. 75 к.
Введеніе въ исторію. Ц. 75 к.
- Диксонъ, В.** Новая Америка. Переводъ съ англійскаго. Съ 8-ю рисунками. 1868 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- Записки А. И. Энгельгардта.** 1766—76 г. 1868 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Костомаровъ, Н.** Смутное время московскаго государства въ началѣ XVIII столѣтія. 1868 г. 3 т. Ц. 6 р.
- Лабузъ.** Государство и его предѣлы. Изд. 2-е. 1868 г. Ц. 2 р.
- Львовъ.** Жизнь Вольфганга Гете. 2 т. 1868 г. Ц. 4 р.
- Мальтусъ.** Опытъ о законѣ народонаселенія. 2 т. съ примѣчаніями, приложеніями и алфавитнымъ указателемъ. 1868 г. Ц. 4 р.
- Морошкинъ.** Иезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени. Т. I. 1868 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Макшеевъ.** Военно-статистическое обозрѣніе Россійской имперіи. 1868 г. Ц. 2 р.
- Обручевъ.** Военно-статистическій сборникъ. Т. II. 1868 г. Ц. 1 р.
- Осмадцатый вѣкъ.** Историч. сборникъ. Изд. «Русскаго Архива». 1868 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Поповъ.** Мадыарскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгріи отъ Арпада до прагматической санкціи. 1868 г. Ц. 1 р.
- Покровскій.** Очеркъ статистики народовъ и государствъ. По Кольбу. 1868 г. Ц. 1 р.
- Прыжовъ.** Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей Русскаго народа. 1868 г. Ц. 2 р.
- Русскіе на Босфорѣ.** Записки Н. Н. Муравьева-Карескаго. Съ рисункомъ. 1868 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Романовскій.** Забѣтки по средне-азіатскому вопросу, съ примѣчаніями и картами Туркестанскаго генералъ-губернаторства. 1868 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Сборникъ Русскаго Историческаго Общества.** 1868 г. Т. I и II. по 2 р.
- Самаринъ.** Иезуиты и ихъ отношенія къ Россіи. 1868 г. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
- Томекъ.** Исторія чешскаго королевства. Перев. съ чешскаго Яковлева. 1868 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Уэвелль, Вильямъ.** Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени. 1868 г. Ц. 8 р.
- Фюстель-Куланжъ.** Древнее общество. Обзоръ культа, права и учреждений Греціи и Рима. Спб. 1868 г. Ц. 2 р.
- Фрейтагъ.** Картины средневѣковой жизни. Перев. съ 5-го нѣмец. изд. 1868 г. Ц. 2 р.
- Шопенъ.** Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа и его обитателей. Ц. 3 р.
- Шерръ.** Исторія цивилизаціи Германіи. Перев. Невѣдомскаго и Писарева. 1868 г. Ц. 3 р.
- Штоль.** Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Исторія Греціи въ біографіяхъ. 1868. Ц. 2 р.
- Шаррасъ.** Исторія компаніи 1815 г. Ватерлоо. Съ картами и планами. 1868 г. Ц. 3 р.

9(02)

Ш-697

~~4149~~
Ш-697

ИСТОРИЯ

ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ

И

ДЕВЯТНАДЦАТАГО

ДО ПАДЕНІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРІИ

СЪ ОСОБЕННО ПОДРОБНЫМЪ ИЗЛОЖЕНІЕМЪ ХОДА ЛИТЕРАТУРЫ

Ф. К. ШЛОССЕРА

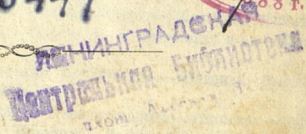
ПРОФЕССОРА ИСТОРИИ ПРИ ГЕЙДЕЛЪВЕРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Переводъ съ четвертаго исправленнаго изданія.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

~~75447~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА ЧЕРКЕСОВА

1868.

N 66118

90

ИЦБ 1934 г. Проверено

(20) 2
702-1
~~6/8~~ 11
69

Проверено 1930 г.

Рос
ноз

ИЦБ 1939

2016

12/22/18

12/22/18

12/22/18

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ХОДЪ И ХАРАКТЕРЪ УМСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНІЯ И ЛИТЕРАТУРЫ.

ГЛАВА П.

ФРАНЦІЯ.

	Стр.
§ 1. Дидро, Мармонтель, Рейналь.	1
§ 2. Руссо, Бюффонъ	17
§ 3. Философскіе политико-экономисты и политики.	35

ГЛАВА III.

НѢМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ОТНОШЕНІЮ ЕЯ КЪ НѢМЕЦКОЙ ЖИЗНИ.

§ 1. НѢмецкая университетская философія и теологія до Фихте.— А. Философія	46
Б. Теологія.	71
§ 2. Базедовъ и филантропіумы въ Дессау, Маршлинцъ и Гейдестеймъ. К. Ф. Бардтъ и его переводъ Библии. I. А. Эбергартъ и его «Апо- логія Сократа».	81
§ 3. Николай и «Всеобщая НѢмецкая Библіотека». — Виландъ, братья Якоби и «НѢмецкій Меркурій».	96
§ 4. Гёттингенскіе Барды. Идиллія. Чувствительность, нѣжность среди НѢмецкой жизни. Вертеръ. Зигвартъ. Кампе, Зальцманъ, Песта- лоцци. Фабрики романовъ.	110
§ 5. Лессингъ и Гердеръ.—Рациональное и поэтическое христіанство.— Лафатеръ и Лихтенбергъ.—Мистицизмъ и сатира.	136
§ 6. Исторія	178
§ 7. Отношеніе писателей къ правительствамъ. — Журналистика. — Государственная наука.	191

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

*Отъ возстанія Сѣверо-Американскихъ провинцій противъ Анліи
до 1788 года.*

ГЛАВА I.

ВРЕМЕНА СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ ДО МИНИСТЕРСТВА МЛАДШАГО
ПИТТА, ДО 1784 ГОДА.

	Стр.
§ 1. Англія, Франція, Испанія до вооруженнаго нейтралитета	218
§ 2. Вооруженный нейтралитетъ. Война съ Голландією	237
§ 3. Англійская исторія.—Морская война.—Осада Гибралтара.—Мини- стерство до билля Питта объ Индіи въ 1784 г.	259
§ 4. Борьба между Фоксомъ и Питтомъ до 1784 г.	279

ГЛАВА II.

ВРЕМЕНА БЕЗПОКОЙНЫХЪ ДВИЖЕНІЙ ВНУТРИ КОНТИНЕНТАЛЬНЫХЪ ГОСУ-
ДАРСТВЪ ДО ПЕРВЫХЪ ПРИЗНАКОВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

§ 1. Императоръ Іосифъ II, отъ смерти его матери до Турецкой войны.	304
§ 2. Первые признаки великаго Французскаго государственнаго перево- рота. Внутренніе политическіе споры и распри въ Бельгіи, Голлан- діи и Франціи до 1788 года.—а) Бельгія.	336
б) Голландскія безпокойства и Фридрихъ Вильгельмъ II Пруссій .	352
с) Франція	375

Опечатка: на стр. 279, вмѣсто § 3 должно быть § 4.

9120.

ЗАПИСЕКА

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ХОДЪ И ХАРАКТЕРЪ УМСТВЕННАГО ОБРАЗОВАНІЯ И ЛИТЕРАТУРЫ.

ГЛАВА II.

ФРАНЦІЯ.

§ 1.

Дидро, Мармонтель, Рейналь.

Ниже мы должны будемъ говорить о важнѣйшихъ между тѣми писателями, которые открыли и ввели въ моду политическую экономію или науку о государственномъ хозяйствѣ, и оказали этимъ важныя услуги государственному управленію и политической жизни, а сначала должны еще разъ возвратиться къ риторамъ и софистамъ. Мы увидимъ, что въ дѣятельности знаменитыхъ проповѣдниковъ невѣрія и свободы было столько же пустаго, декламаторскаго и скучнаго, сколько въ наше время бываетъ у проповѣдниковъ слѣпой вѣры и рабства. Намъ не вводить въ заблужденіе ни славное имя, ни хвастовство краснорѣчіемъ и поэзіей...

Мы соглашаемся, что все порицаемое нами можетъ представиться совсѣмъ въ иномъ видѣ, если взглянуть на него, какъ говорятъ Нѣмцы, съ объективной стороны, или съ Французской точки зрѣнія; но мы остаемся при томъ мнѣніи, что искусство хорошо говорить и отвсюду

собирать наружные признаки знанія и учености не составляет истиннаго краснорѣчія и истинной поэзіи. Впрочемъ, здѣсь рѣчь идетъ не о талантахъ и не о литературномъ значеніи писателей, которыхъ мы будемъ перечислять, не объ эстетическомъ или ученомъ достоинствѣ ихъ твореній, а только о вкусѣ придворной публики, для которой они исключительно трудились; исключительное право удивляться этимъ писателямъ, читать и понимать ихъ принадлежало къ числу многочисленныхъ привиллегій ихъ высокой публики. Мы нарочно упоминаемъ только о писателяхъ, которые передъ революціей господствовали исключительно въ салонахъ, а не въ народѣ находили себѣ почитателей. Мы не будемъ теперь говорить и о даровитыхъ, но развращенныхъ до глубины души товарищахъ презрѣннаго и трусливаго герцога Орлеанскаго, объ этихъ *goués*, прославившихся своими романами, о ла-Кло (собственно Шодерло де-ла-Клѣзъ), Сильери, Фабрѣ д'Эглантинѣ и не совсѣмъ чистой воспитательницы короля Луи-Филиппа, графинѣ Жанлисъ,—о нихъ будемъ мы говорить ниже.

Исчисленіе книгъ, которыя изготовлялись въ Парижскихъ кабинетахъ для придворныхъ, знатныхъ и богатыхъ обществъ цѣлой Европы, точно такъ, какъ изготовлялись въ тогдашнихъ модныхъ Французскихъ лавкахъ платья для дамъ всѣхъ дворовъ, мы начнемъ тѣми сочиненіями неистощимаго Дидро, о которыхъ еще не упоминали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорили о другихъ его книгахъ. Эти сочиненія имѣютъ тѣмъ болѣе важное значеніе для знакомства съ духомъ тѣхъ обществъ, которыя теперь возвращаются къ лицемѣрію, что нѣкоторые дворы содержали въ Парижѣ агентовъ, которые немедленно извѣщали бы ихъ о каждомъ лоскуткѣ, выходившемъ изъ-подъ пера Дидро, чтобы имѣть удовольствіе знакомиться съ его произведеніями до появленія ихъ въ публикѣ. Братъ Фридриха Великаго, Генрихъ, совершенный Французъ, даже покупалъ его произведенія въ рукописи, и такимъ образомъ, оказалъ довольно странную услугу литературѣ, возвративъ свѣту въ настоящемъ столѣтіи одинъ изъ скандальнѣйшихъ романовъ Дидро, который былъ потерянъ во Франціи. Герцогъ Брауншвейгскій былъ очарованъ Дидро не менѣе, нежели Мармонтелемъ, и потомъ Мирабо. Гриммъ для всѣхъ дворовъ былъ органомъ Французскихъ салоновъ, поэтому онъ и выпросилъ себѣ баронскій титулъ, какъ слѣдуетъ придворному, и жилъ, какъ настоящій баронъ, хотя съ своими товарищами осмѣивалъ и позорилъ все высокое, или, лучше, презиралъ его, какъ обманъ, годный только для престопагодія (1).

(1) Французъ, который удивляется всему тому, что мы, сухіе прозаики и

Здѣсь мы обратимъ вниманіе только на немногія сочиненія Дидро, которыя и въ нашемъ столѣтіи много читались, и были часто перепечатываемы. Изъ нихъ мы ясно увидимъ, что тонъ и манера этихъ книгъ, которыя потомъ подвергались гоненію какъ яacobинскія, начались не отъ народныхъ писателей, а изъ вельможескихъ круговъ и отъ писателей, которые особенно были ласкаемы и прославляемы въ аристократическихъ обществахъ. Мы остановимся на его романахъ, которые находятся въ 10, 11 и 12 томахъ Нежоновскаго изданія (2).

Первый изъ романовъ Дидро, написанный имъ еще въ молодости, въ двѣ недѣли, «*Les bijoux indiscrets*», таковъ, что мы не хотимъ даже объяснять смыслъ его заглавія, а его содержаніе заставить отступить отъ чтенія честнаго человѣка, который не принадлежитъ къ кругу испорченныхъ негодяевъ большаго свѣта, гордящихся своимъ развратомъ, приводящимъ въ стыдъ простолюдина. Второй романъ «*Jacques le Fataliste*» не былъ одобренъ даже и тѣмъ человѣкомъ, который утверждаетъ, что Дидро не былъ оцѣненъ современниками по заслугамъ; однако, мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ первой части его; они покажутъ, что такое принимала знать того времени за философію. Останавливаясь на этой книгѣ долго мы не будемъ, уже и потому, что въ ней одно только скандальное принадлежитъ автору и его вѣку, а все остальное—плохая и совершенно неудачная передѣлка «Тристрама Шенди».

Книга эта имѣетъ форму діалога и начинается осмѣяніемъ христіанскаго представленія о Провидѣніи и Божественномъ міроправленіи. Что касается политическихъ ея принциповъ, то между жалкой болтовней встрѣчаются непристойности, и рядомъ съ діалектикой вездѣ встрѣчаются намеки на тогдашній порядокъ вещей, образъ правленія, іерар-

протестанты, имъ осмѣиваемые, презираемыя, говорить намъ, что въ кругахъ, которымъ онъ удивляется, сохраняются остатки прежняго любопытства. *La Russie, par le Marquis de Custine, vol. 3, pag. 431*: «Тамъ хотятъ получать Парижскіе анекдоты и не отстать отъ самыхъ мелочныхъ сплетенъ относительно общества и эфемерной литературы Франціи. Эти подробности, хотя онъ намъ кажутся очень жалкими, болѣе всего интересуютъ двory».

(2) Изданіе, сдѣланное Нежономъ, удивленіе котораго къ его учителю Дидро не знаетъ предѣловъ и который восхваляетъ даже его атеистическую болтовню, явилось въ 1798 году въ XV частяхъ въ 8 д. л. и съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ перепечатывалось. Болѣе красивое и полное изданіе явилось въ 1822 году, въ XXII частяхъ, въ 8 д. л. Послѣдняя часть содержитъ: «*Mémoires philosophiques et historiques sur la vie et les ouvrages de Diderot*», написанныя Нежономъ. Въ 1830 году появились, какъ будто мало было этого товара въ прежнихъ изданіяхъ, «*Mémoires, correspondance et ouvrages inédits de Diderot*». 11 volumes, въ 8 д. л.

хию; всё эти намеки похожи на аллегорію о замкѣ, въ который заходить Жакъ съ своимъ господиномъ. Въ этомъ замкѣ, говоритъ авторъ, особенно показалось досаднымъ Жаку и его господину то, что шайка дерзкихъ людей овладѣла лучшими комнатами, вопреки надписи надъ входомъ въ замокъ, естественному праву и здравому смыслу, и все таки, эти люди утверждали, что они худо и тѣсно помѣщены, да и самый замокъ называли своею собственностію. Они, съ помощію негодяевъ, содержимыхъ ими на жалованьи, наняли большое число другихъ негодяевъ, которые за золотую монету вѣшали и убивали каждого, кто только осмѣливался имъ противорѣчить. Но во времена Жака были однако же люди, которые иногда осмѣливались... Безнаказанно?... То есть, какъ случится... Послѣ такихъ мѣстъ, которыя должны вознаграждать за тѣ три четверти книги, которыя по признанію самого Нежона, не слѣдовало печатать, слѣдуютъ разговоры и исторіи, дающія намъ понятіе о безнравственныхъ разговорахъ того круга, въ которомъ вращался Дидро съ товарищами. Между вялыми остротами не безъ искусства вставлены мѣста, которыя необходимо было замаскировать, чтобы избѣгнуть полицейскаго преслѣдованія.

Мы завлеклись бы слишкомъ далеко, еслибы подробнымъ разборомъ захотѣли указать въ этой афористической и непристойной, небрежной болтовнѣ искусство и знаніе безнравственной публики, которую хотѣли освободить отъ старыхъ понятій; мы укажемъ еще только на одно изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ популярно излагается новая философія. Рѣчь идетъ о Сократѣ, разумѣется, безъ всякаго повода и связи съ предъидущимъ. Это былъ мудрецъ въ Аѳинахъ, говорится о немъ, а издавна роль мудреца между дураками весьма опасна. Сograждане осудили его выпить цикуту. «Сократъ сдѣлалъ то же, что сдѣлалъ ты сейчасъ, — онъ былъ необыкновенно вѣжливъ съ палачемъ, который поднесъ ему отраву. Признайся же, братъ Жакъ, ты въ своемъ родѣ философъ. Я знаю очень хорошо, что этотъ разрядъ людей совершенно ненавистенъ знатымъ людямъ, передъ которыми эти люди никогда не преклоняются. Юристамъ, сидящимъ въ высшемъ судѣ, люди этого рода противны, потому что преслѣдуютъ предразсудки, которые защищаются судами; они противны клерикаламъ, потому что рѣдко показываются у ихъ алтарей; противны поэтамъ, потому что у этихъ поэтовъ нѣтъ никакого пониманія серьезныхъ вещей. Философію они разсматриваютъ только какъ изящное искусство и не любятъ слушать, что даже тѣ изъ нихъ, которые занимаются самымъ ненавистнымъ родомъ поэзіи, сатирой, въ концѣ концовъ были, однако, льстецы. Философы ненавистны народамъ, потому что народъ издавна рабски подчинялся тиранамъ, которые его

угнетали, негодяямъ, которые его обманывали, и шутамъ, которые его забавляли. И такъ, ты видишь, что я вполне понимаю опасность твоего промысла и важность признанія, котораго отъ тебя требую, но я не употребляю его во зло. Другъ мой Жакъ, ты философъ! Миѣ тебя жаль, и если изъ того, что случается нынѣ, выводить заключеніе о томъ, что случится нѣкогда, и если то, что свыше опредѣлено, иногда открывается человѣку задолго прежде, нежели оно случится, то я предвижу, ты умрешь смертью философа и примешь веревку съ такою же твердостью, съ какою Сократъ принялъ чашу цикуты».

Гораздо лучше, и по содержанію и по формѣ, третій изъ тѣхъ романовъ Дидро, которые мы хотѣли привести въ образецъ вкуса знатныхъ господъ и дамъ, находившихъ удовольствіе въ такомъ развлеченіи. Эта книга излагаетъ понятія новаго времени о католическихъ женскихъ монастыряхъ и ихъ организаціи; этотъ взглядъ облеченъ въ форму признаній монахини, описывающей свою жизнь. Потому и романъ называется «Монахиня» (*La religieuse*). Въ слогѣ, и живомъ и увлекательномъ разсказѣ этого произведенія, виденъ писатель лучшаго періода Французской литературы, писатель, избѣжавшій поспѣшности, которую позволялъ себѣ въ произведеніяхъ своей молодости, избѣжавшій также небрежности и презрѣнія къ публикѣ, которыя замѣтны въ «Жакѣ Фаталистѣ» и другихъ подобныхъ его книгахъ. Исторія эта такъ вѣрно заимствована изъ дѣйствительности того времени, такъ напоминаетъ происшествія, которыя тогда ежедневно случались въ извѣстныхъ фамиліяхъ, что, кажется, будто дѣйствительно читаешь автобіографію. Каждый человѣкъ съ сердцемъ содрогнется и ужаснется отъ событій, разсказанныхъ въ этомъ романѣ и будетъ проклинать положеніе вещей, давшее возможность жъ подобнымъ явленіямъ. Это единственная точка зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ «Монахиню». Мы по собственному опыту знаемъ, какъ могущественно дѣйствуетъ языкъ и изложеніе этого романа на молодого человѣка, незнакомаго со свѣтомъ и людьми, еще незагрубѣвшаго въ суровой жизни къ чисточеловѣческому чувству. Дидро съ удивительнымъ искусствомъ выдержалъ разсказъ съ начала до конца, нигдѣ не измѣнилъ принятому тону, и весь разсказъ написалъ такъ, какъ могла бы написать его благочестивая дочь, которая, по смерти отца, сожгла многія изъ его произведеній. Дидро ни разу не впадаетъ въ свой легкомысленный тонъ, до того мѣста, гдѣ расточаетъ свой талантъ на картину, которая далеко превосходитъ и стихи Аретино, и рисунки Джуліо Романо. Эта книга предостерегаетъ отъ деспотизма суевѣрія, какъ въ наши дни извѣстная Американка въ своихъ разсказахъ о неграхъ предостерегаетъ отъ деспотизма корысто-

любія; въ ея разсказахъ столько же вымысла, сколько и въ «Монахинѣ», но нѣтъ грязи.

Мы видимъ «Монахиню» въ родительскомъ домѣ, гдѣ ее мучили до тѣхъ поръ, пока она согласилась, повидимому, добровольно, вступить въ монастырь; мы видимъ добрую и дурную аббатиссу; мы видимъ, что можно было сдѣлать тогда судебнымъ порядкомъ противъ деспотизма монастырскаго устава. Все это вѣрно исторіи, и прилагается также и къ Германіи, и къ мужскимъ католическимъ монастырямъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить разсказы Броннера, Шада, Феслера въ ихъ автобіографіяхъ. Мученія, которыя изобрѣтены были для усмиренія натуры, не подчинявшейся образу жизни, въ которомъ гасли всѣ человѣческія чувства, описаны у Дидро столь же трогательно и умно, какъ въ «Спиридiонѣ», хотя и другимъ тономъ. Дидро ближе къ исторической истинѣ и дѣйствительности; у него меньше поэтической и философской фантазмагоріи, нежели у Жоржа Занда. Монастырская жизнь передъ революціей ни въ одной книгѣ не описана съ такою истинною и живостію, какъ въ этомъ романѣ; во второй половинѣ книги представлены съ ужасающею истинною и съ дьявольскимъ искусствомъ такія сцены въ католическомъ монастырѣ, которыхъ не рѣшились бы представить съ подобной подробностію и живостію ни Ювеналъ, ни Петроній. Соблазнительность этихъ сценъ и умышленное возбужденіе чувственности тѣмъ болѣе заслуживаютъ порицанія, что Дидро самъ ненавидѣлъ развратъ. Онъ, сынъ ножевщика, принятый въ высшій кругъ, чувствовалъ сильное и искреннее негодованіе къ его лицемѣрію и высказывалъ это негодованіе при всякомъ случаѣ съ чрезвычайною пылкостью. Это не нравилось такому человѣку, какъ д'Аламберъ, который, будучи маркизомъ и составителемъ академическихъ похвальныхъ словъ, не могъ одобрять такого тона. Онъ и большой свѣтъ отшатнулись отъ Дидро, который задолго до своей смерти (1783 г.) оставилъ салоны и жилъ въ тихомъ домашнемъ кругу.

Дидро, подобно Персію и другимъ поэтамъ временъ упадка Римскаго міра, и подобно другу своему д'Аламберу, съ легкомысліемъ выраженія и цинизмомъ общества, въ которомъ жилъ, соединялъ удивленіе къ стоической суровости, къ изысканной и эпиграмматической краткости стоическихъ риторовъ и историковъ. Слѣды этихъ, повидимому, противорѣчащихъ направленій, можно найти въ одномъ изъ раннихъ его произведеній, въ разборѣ художественныхъ выставокъ 1765—1767 годовъ (Salon 1765—1767). Тутъ онъ сурово возстаеъ противъ художественнаго представленія тѣхъ самыхъ предметовъ и сценъ, какія въ послѣдующихъ своихъ романахъ самъ любилъ разрисовывать или, по

крайней мѣрѣ, намеками представлять воображенію читателя. Сходство времени императора Тиверія съ временемъ короля Людовика XV, относительно утрированной строгости въ словахъ и неслыханнаго распутства въ жизни, видимъ яснѣе всего изъ удивленія Дидро (въ статьѣ объ Сенекаѣ) и д'Аламбера (въ его передѣлкѣ Тацита) къ реторикѣ и философіи Сенеки.

Самыя рѣзкія сужденія Дидро объ испорченной средневѣковой системѣ, которая въ XVIII вѣкѣ соединяла строгость полиціи съ безнаказанностію знатныхъ злодѣевъ, обнародованы только въ настоящемъ столѣтіи; они находятся въ его поэмѣ «*Eleutheromanes*». Мы даже усомнились бы, дѣйствительно ли этотъ ужасный диэирамбъ принадлежитъ Дидро, еслибы не было на то другихъ свидѣтельствъ, кромѣ указанія Нежона (3). Какого рода былъ этотъ диэирамбъ, можно видѣть изъ извѣстныхъ двухъ стиховъ, которые приводятся всегда, когда рѣчь идетъ о каннибальствѣ такъ называемыхъ кордельеровъ (4).

Въ этомъ диэирамбѣ Дидро именно выбралъ форму вакханальной ярости и бѣшенства, собственно говоря вовсе ему не свойственную, чтобы предать проклятію не только тираннію и тиранновъ, но и вообще монархію и королей....

Совершенно иначе, нежели Дидро и Гольбахъ, нападалъ на іерархическую и монархическо-военную систему своего времени Мармонтель. Онъ собственно и самъ не понималъ, что онъ дѣлалъ, и Мемуары, написанные имъ въ старости, свидѣлствуютъ, какъ онъ испугался, когда потомъ увидѣлъ, чего онъ добивался и къ чему велъ своими сочиненіями. Ему хотѣлось достичь славы беллетриста и драматурга; для этого нужна была благосклонность Вольтера, потому онъ долженъ былъ угождать Вольтеру; по этой необходимости, онъ слѣдовалъ за направлениемъ вѣка и требовалъ улучшенія существующаго порядка вещей. Извѣстно, что это направленіе не мѣшало Вольтеру превозносить г-жу Помпадуръ; потому не могъ Вольтеръ осуждать Мармонтеля за то, что онъ также искалъ ея благодѣяній, принималъ ихъ и гордился ея покровительствомъ. О содержаніи сочиненій Мармонтеля, нами обозрѣваемыхъ,

(3) Поэма «*Eleutheromanes ou les furieux de la liberté*» была уже напечатана, какъ произведеніе Дидро, сперва въ «*Décades philosophiques*», потомъ въ «*Journal d'économie Politique*» въ 1796 году. Это оправдываетъ Нежона тѣмъ болѣе, что отрывки изъ поэмы были извѣстны въ тайнѣ еще въ то время, когда Дидро и Гольбахъ занимались кощунствомъ.

(4) Эти стихи читаются въ «*Элеутероманахъ*» такъ:

Et ses mains ourdiraient les entrailles d'un prêtre
Au défaut d'un cordon, pour étrangler les rois.

не можетъ быть и рѣчи, мы говоримъ только о ихъ вліяніи. Намъ достаточно знать тотъ неопровержимый фактъ, что Мармонтель славился въ цѣлой Европѣ, отличался большимъ искусствомъ легко изворачиваться въ узкомъ кругѣ идей и умѣлъ поддѣлываться къ придворному тону.

Мармонтель вышелъ изъ духовныхъ училищъ, въ основѣ которыхъ лежали реторическая дрессировка, упражненія памяти и искусство лѣпить изящныя фразы; съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ онъ обращать болѣе вниманія на форму рѣчи и выраженія, чѣмъ на сущность дѣла; потому ему стоило только употребить для свѣтскихъ цѣлей средства, которыми онъ запасся для цѣлей духовныхъ, и риторъ и софистъ былъ готовъ. Мармонтель дѣлаетъ упрекъ Дидро, что онъ «не умѣлъ сдѣлать книги», какъ выражаются во Франціи; дѣйствительно, Мармонтель въ этомъ былъ искуснѣе, потому что никто лучше его не зналъ публики. Онъ умѣлъ угодить всѣмъ. Онъ воспѣвалъ и хвалилъ Людовика XV, неизмѣнно пользовался покровительствомъ герцога д'Эгильйона и г-жи Помпадуръ, и въ то же время блисталъ въ Парижскихъ салонахъ, какъ философъ. Но вообще его слава была болѣе распространена между сантиментальными Нѣмцами, нежели между остроумными и практичными Французами, между которыми первую свою извѣстность онъ пріобрѣлъ какъ драматургъ, благодаря тому, что Вольтеръ всячески старался возвысить его, чтобы видѣть на немъ отраженіе блеска своей славы. Мы пройдемъ молчаніемъ его драматическія работы, потому что не смѣемъ приписывать имъ никакого вліянія, и будемъ говорить только о его нравоучительныхъ повѣстяхъ, которыя содержатъ въ себѣ такую же вялую мораль, какъ наши Нѣмецкія книги, писанныя для дамъ.

Такъ называемыя «Нравоучительныя повѣсти», тотчасъ же переведенныя подъ заглавіемъ «Училище добродѣтели» на Нѣмецкій языкъ Нѣмцами, вѣчно ждущими спасенія изъ Парижа, и даже переведенныя вновь въ наши времена, появлялись сначала въ «*Mercure de France*», которому Мармонтель доставилъ ими очень большой успѣхъ, когда получилъ отъ Помпадуръ привиллегію на его изданіе. Въ этихъ повѣстяхъ проповѣдуется та чувствительная добродѣтель, которая ослабила насъ, Нѣмцевъ, и которая учитъ спутывать границы между порокомъ и добродѣтью. Особенно это было губительно во время господства сантиментальныхъ теорій воспитанія, потому что преобразователи системы воспитанія, точно также, какъ отцы и матери, вмѣсто того, чтобы укрѣплять умъ работою, обезсиливали его излишнею чувствительностью.

Мармонтель не осмѣиваетъ добродѣтели, подобно своимъ академическимъ собратамъ (особенно, когда она является въ религіозной формѣ),

онъ не придаетъ ей вида пороку, посредствомъ остроумныхъ софизмовъ; но представляетъ ее такою легкою и пріятною, а ошибки и проступки, по вліянію ихъ на человѣческую душу, столь незначительными, что у него незамѣтно исчезаетъ огромная пропасть между самообладаніемъ и чувственностью. Серьёзные и строгія правила являются у него ненавистнымъ и печальнымъ остаткомъ прошедшаго времени, а за доброе и справедливое само въ себѣ, предъ Богомъ и совѣстью, принимаются нѣжное чувство, чувственное страданіе, отдѣльные поступки благотворительности, чувственная любовь и сожалѣніе, проистекающее отъ непріятнаго дѣйствія, производимая видомъ страждущихъ, слѣдовательно, чувственные побужденія и естественныя движенія, которыя, конечно, могутъ вести къ добродѣтели и помогать къ ея достиженію. Мармонтель также, какъ и Виландъ, сознавалъ, что изъ описанія всего этого вышелъ бы утомительный для большаго свѣта рядъ невинныхъ удовольствій, трогательныхъ поступковъ, исторій, изображающихъ любезную доброту, какъ во многихъ Нѣмецкихъ книгахъ; для избѣжанія такого неудобства онъ, сдѣлалъ то же, что Виландъ. Оба они къ скучной сентиментальности примѣшали порядочную дозу безнравственности, и именно черезъ это произвели между лучшими и стремящимися къ просвѣщенію современниками полную перемѣну въ томъ взглядѣ на жизнь, который былъ завѣщанъ предшествовавшимъ столѣтіемъ и проповѣдывался съ церковныхъ кафедръ. Романы Дидро въ лучшихъ и чистѣйшихъ душахъ возбуждали отвращеніе и ужасъ; тогда какъ скользкая нравственность Мармонтеля увлекла невинныхъ. Мармонтель никого не отталкивалъ безбожіемъ, подобно Дидро; но онъ велъ борьбу противъ религіознаго іезуитизма, посредствомъ столь же вреднаго іезуитизма нравственнаго. Здѣсь нѣтъ надобности доказывать это мелкими повѣстями Мармонтеля, которыя положили первое основаніе его славы, потому что Германія изобилуетъ литературою такого рода; лучше обратимъ вниманіе на два его сочиненія болѣе важныя, одно подъ названіемъ «Велизарій» а другое «Инки», въ которыхъ примѣняется непосредственно къ государству и къ болѣе обширной сферѣ его отношеній система, лежащая въ основаніи правоучительныхъ повѣстей Мармонтеля. Приемъ, сдѣланный этимъ двумъ произведеніямъ, которыя даже не соотвѣтствовали вкусу Французовъ и Парижскому духу того времени, лучше всего доказываетъ, до какой степени было невозможно поддержать старый порядокъ вещей противъ общаго настроенія умовъ образованнѣйшей и наиболѣе уважаемой части лицъ, правящихъ и управляемыхъ (6).

(6) Мармонтель говоритъ въ VIII-й книгѣ «Мемуаровъ» (éd. Paris, 1805 г.,

Мы не думаемъ утверждать, что двѣ книги, о которыхъ идетъ рѣчь, т. е. «Велизарій» и «Инки», имѣли вліяніе на свое время; онѣ были слишкомъ слабы и ничтожны для этого; мы говоримъ только о приѣмѣ ихъ въ публикѣ, а также о настроеніи и направленіи высшихъ сословій, на вкусъ которыхъ онѣ были рассчитаны. Наиболѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ приѣмѣ, и въ особенности о цѣли «Велизарія» сообщаетъ намъ самъ Мармонтель. Король Фридрихъ II понялъ мысль этого историческаго романа также хорошо, какъ и правовѣрно-католическій Сорбонскій докторъ, который со всевозможною вѣжливостію отказалъ въ позволеніи его напечатать. Но общественный голосъ былъ тогда уже могущественнѣе закона, и нашелся другой правовѣрный богословъ, который далъ на это разрѣшеніе. Въ своихъ запискахъ, Мармонтель съ гордымъ самодовольствомъ говоритъ о томъ, какую важность придавали Нѣмецкіе государи Французской реторикѣ и поверхностному изяществу, которыхъ они тогда, какъ и теперь, не находили въ отечественныхъ писателяхъ. Герцогъ Брауншвейгскій, бывшій въ то время еще наслѣднымъ принцемъ, и его супруга благоговѣли передъ кліентомъ г-жи Помпадуръ, какъ впоследствии этотъ же принцъ, сдѣлавшись герцогомъ, льстилъ какому нибудь Мирабо, который былъ посланъ въ Германію Французскимъ министерствомъ, въ качествѣ шпіона. Государи благоговѣли передъ Парижскими революціонными софистами въ то самое время, когда Клопштокъ долженъ былъ удалиться въ Данію, когда Шиллеръ съ трудомъ находилъ средства къ скудному существованію, когда Фоссъ долго былъ школьнымъ учителемъ въ Гадельнѣ, когда за философскія, историческія и критическія сомнѣнія преслѣдовали Лессинга, который не дѣлалъ и не защищалъ преступленій, подобно Мирабо, и не выдавалъ, подобно Мармонтелю, порока за добродѣтель. Поэтому, мы привели въ примѣчаніи слова Мармонтеля

Vol. III, pag. 31): «Между тѣмъ, какъ Сорбонна, еще болѣе раздраженная тѣмъ, что ее дразнили, напрягала всѣ свои силы, чтобы сдѣлать Велизарія еретикомъ, денстомъ, нечестивцемъ, врагомъ трона и алтаря (это были два ея конька); ко мнѣ со всѣхъ сторонъ приходили письма государей Европы и самыхъ просвѣщенныхъ и мудрыхъ людей, наполненные похвалами моей книгѣ. Императрица — королева Венгріи приказала ее напечатать въ своемъ государствѣ, не смотря на свою строгость ко всѣмъ сочиненіямъ, нападавшимъ на религію». Къ чему это служило и какъ хитро этимъ умѣли воспользоваться (подобно тому, какъ въ наше время благочестивцы и философы воспользовались противоположнымъ настроеніемъ), говорятъ слѣдующія слова: «Я не преминулъ, какъ вы, конечно, догадываетесь, сообщить объ этомъ всеобщемъ успѣхѣ двору и Парламенту; ни тотъ, ни другой не возымѣли желанія выказать себя съ такой же смѣшной стороны, какъ Сорбонна».

единственно для того, чтобы показать господствовавший въ Германіи духъ и нравы Нѣмецкихъ владѣтелей того времени (7).

Историко-политическій романъ, о направленіи котораго идетъ рѣчь, появился именно въ то время, когда Мармонтель (1767 г.) сдѣлался академикомъ, когда онъ, подобно прочимъ своимъ товарищамъ, желалъ содѣйствовать, хотя по своему, уничтоженію господствовавшей системы. Онъ воспользовался баснею о слѣпотѣ Велизарія, о прошеніи имъ милостыни, о несправедливости Юстиніана и тому подобныхъ вещахъ, сюда относящихся, чтобы распространить въ высшей публикѣ извѣстное политическое ученіе и подать благіе совѣты къ исправленію церковной и государственной администраціи. По своей методѣ, онъ въ первыхъ главахъ покончилъ съ историческою частью; главный предметъ книги—политическая мораль, совершенно неопредѣленная. Она была встрѣчена громкимъ одобреніемъ при многихъ дворахъ вѣроятно потому, что, слѣдуя этой морали, казалось можно было быть добродѣтельнымъ, не дѣлаясь лучше, и производить реформы, не перемѣняя ничего существеннаго.... Мы упомянемъ только объ одномъ отдѣлѣ этой книги, направленномъ противъ мнѣній и юридическихъ строгостей Парламентовъ и духовенства относительно господствующей религіи. Какъ мало въ тѣ времена было во Франціи единомыслія относительно системы управленія, какое могущественное вліяніе, даже на самыхъ обскурантовъ, имѣло господствовавшее настроеніе, и какъ ловко дѣйствовали Мармонтель и ему подобные, видно изъ того, что Сорбонна осудила этотъ отдѣлъ о *вѣро-терпимости*, а герцогъ д'Эгильйонъ, который, впрочемъ, подобно своему королю, разыгрывалъ роль богомола, сдѣлалъ автора его исторіографомъ. Конечно, теперь уже «Велизарія» мало читаютъ во Франціи, однако, все еще хвалятъ, потому что эта книга была для салоновъ своего времени тѣмъ же, чѣмъ прежде того былъ «Телемакъ», мало по малу выходившій изъ моды. Легко понять, что она между людьми, которымъ Мармонтель наиболѣе старался угодить, находила тѣмъ болѣе читателей, чѣмъ менѣе было въ ней философіи и исторіи; но удивительно, какимъ образомъ люди, для которыхъ Парижскіе салоны служили высшимъ и неопровержимымъ авторитетомъ и которыхъ конечную цѣлю были за-

(7) Не говоря уже о восторгѣ, въ который, по словамъ Мармонтеля (pag. 49), наслѣдный принцъ, находясь еще въ Ахенѣ, былъ приведенъ Парижскимъ ученымъ обществомъ, онъ представилъ Мармонтеля своей супругѣ слѣдующими словами: «Madame, вы такъ желали познакомиться съ авторомъ *Велизарія* и *Правоучительныхъ повѣстей*. Вотъ онъ, представляю его вамъ».

нимательность и остроуміе, могли не замѣтить, что эта книга, какъ романъ, не имѣетъ ни правдоподобія, ни разнообразія.

Второй романъ много читали только въ Германіи. Извѣстно, что во Франціи сентиментально-надутая поэтическая проза совершенно не была въ ходу до тѣхъ поръ, пока Сталь, Шатобріанъ и другіе не ввели въ моду новаго рода поэзіи въ прозѣ; но все-таки духъ времени, враждебный старому порядку вещей, а можетъ быть слава вновь испеченнаго историка, доставили этой книгѣ у Французовъ мимолетный успѣхъ, который имѣли въ тѣ времена многія подобныя сочиненія. Этотъ романъ, писанный надутою прозою, явился десять лѣтъ спустя послѣ перваго (1777), подъ заглавіемъ «Инки».

Извѣстный рассказъ о злодѣйствахъ, совершенныхъ покорителями Перу надъ несчастными Индійцами, далъ Мармонтелю случай изобразить въ трогательной и возбуждающей ужасъ картинѣ военное насильственное правленіе, неограниченный деспотизмъ и возмутительный религіозный фанатизмъ. Этой книги нельзя даже похвалить со стороны реторическихъ достоинствъ; потому что проза въ ней, какъ въ Геснеровыхъ идилліяхъ и тому подобныхъ сочиненіяхъ, есть ни что иное какъ бѣлые стихи, языкъ—гермафродитъ между прозою и стихами, содержаніе—ни поэзія, ни исторія, или, лучше сказать, попеременно то и другое, такъ что онѣ взаимно вредятъ другъ другу. Самая форма свидѣтельствуетъ о внутреннемъ распаденіи тогдашняго общества: это есть идиллическая поэзія среди испорченной Парижской жизни. Еслибъ нужны были доказательства того, что Мармонтелевы поэзія и философія имѣютъ еще менѣе достоинства, чѣмъ стоицизмъ, цинизмъ и невѣріе Дидро, то мы могли бы ихъ привести изъ Мемуаровъ знаменитаго академика и исторіографа (*Mémoires d'un père pour servir à l'instruction de ses enfants. IV vol. 8. 1804*), вышедшихъ въ настоящемъ столѣтіи. Изъ нихъ видно, какъ пуста была философія, какъ суетна и жалка была эта салонная жизнь и какимъ свѣтскимъ ничтожествомъ отличалось общее настроеніе кліентовъ Вольтера, болтавшихъ о свободѣ и просвѣщеніи точно такимъ же образомъ, какъ о новѣйшей оперѣ или о послѣднемъ балетѣ. Въ этой исповѣди Мармонтель старается защитить Дидро; но онъ принимаетъ, подобно Морелье, тонъ обратившагося и кающагося грѣшника. Старикъ превозноситъ большими похвалами учрежденія старой государственной системы и іерархіи, которая оуждала прежде въ важнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ. Онъ открыто признается, какъ это сдѣлалъ Морелье и еще разительнѣе Рейналь въ знаменитомъ письмѣ къ Национальному Собранію, что онъ и прочіе академики въ 50-хъ годахъ еще не знали сами, чего

собственно они хотѣли достигнуть съ своею философіею. Въ наши дни въ Германіи мы видимъ сотни такихъ кающихся грѣшниковъ. Старый Мармонтель откровенно рассказываетъ, какъ онъ высоко цѣнилъ и считалъ за честь ласковое слово Помпадуръ и герцога д'Эгильйона; милость этихъ людей казалась ему въ глубокой старости, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, великимъ утѣшеніемъ. Изъ словъ его мы повсюду видимъ, что мягкость и гибкость его характера, образовавшагося при дворѣ, въ салонахъ и въ высшемъ обществѣ, которыя онъ описываетъ такъ наивно и незастѣнчиво, сдѣлали изъ него существо, для котораго мелочи и пустяки гораздо важнѣе всей мудрости міра.

Рядомъ съ обоими упомянутыми нами академиками и философами, которые реторикою различнаго рода достигли славы, сдѣлавшей ихъ историческими людьми, и которые никогда не потеряютъ значенія, какъ бы о нихъ ни судили писатели, разсматривающіе только внутреннее достоинство ихъ сочиненій, заслуживаетъ занять мѣсто аббатъ Рейналь. Этотъ добросердечный членъ круга г-жи Жоффренъ, Гольбаха и Эльвесіуса, былъ ежедневно въ обществѣ Мармонтеля и Дидро и точно такимъ же образомъ, тѣми же средствами и также заслуженно или незаслуженно приобрѣлъ славу историка Европейскихъ колоній въ Индіи, какъ его друзья славу философовъ и драматическихъ писателей. Подобно Вольтеру и Мармонтелю, онъ также получилъ воспитаніе въ іезуитскихъ школахъ, въ которыхъ преимущественное вниманіе было обращено на грамматическое и реторическое искусство; подобно этимъ писателямъ, онъ изучилъ не духъ Грековъ, но гладкое, выточенное краснорѣчіе Римскихъ адвокатовъ, и сначала примѣнялъ его къ церковной декламации. Когда ему надобно было проповѣдывать ученіе, которому онъ самъ не вѣрилъ, то онъ сдѣлался редакторомъ дамскаго посланника боговъ (*Mercur de France*), по образцу котораго Виландъ вздумалъ издавать свой Нѣмецкій «*Меркурій*». За тѣмъ онъ сталъ писать совершенно въ родѣ Дидро, съ которымъ мы должны его поставить рядомъ; по своей неутомимой болтовнѣ, онъ также имѣетъ много сходства съ нимъ. Сверхъ того вообще утверждаютъ, будто Дидро принадлежитъ лучшая часть перваго изданія творенія Рейналя, за которое онъ былъ изгнанъ изъ Франціи, но которому вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязанъ своею славою, остающеюся за нимъ отчасти и до сихъ поръ. Дидро не лицемерилъ и не пресмыкался какъ Мармонтель, онъ былъ настоящимъ энтузіастомъ своихъ смѣлыхъ идей, изъ-за которыхъ подъ конецъ даже д'Аламберъ съ нимъ поссорился; поэтому, онъ охотно и неутомимо работалъ для каждаго, кто готовъ былъ принять на себя отвѣтственность за его дерзкія рѣчи.

Примѣръ Мармонтеля, Дидро, Рейналя и Морелье достаточно доказываетъ, что упражненіе памяти, реторика, діалектика и грамматика, короче—весь механизмъ преподаванія, по которому дрессировали юношество въ іезуитскихъ школахъ, для борьбы за католичество, также легко могли быть употреблены и противъ католичества; подобно тому, какъ наоборотъ въ XIX столѣтіи представители тщеславной школьной мудрости, риторы, софисты и діалектики были тѣми людьми, которые поддерживали суевѣріе и предрассудки посредствомъ ораторскаго искусства. Рейналь въ Пезена былъ уже іезуитомъ; онъ считалъ себя очень не дурнымъ проповѣдникомъ; но пріѣхавши въ Парижъ онъ совершенно пересталъ проповѣдывать, потому что, какъ онъ выражался, у него былъ акцентъ всѣхъ діаволовъ. Съ этого времени онъ сдѣлался сочинителемъ по ремеслу и такъ какъ тогда историко-политическія книги были въ модѣ, то онъ въ исторіи Европейскихъ колоній въ Индіи нашелъ предметъ, который могъ изложить въ духѣ такъ называемыхъ экономистовъ.

Первое изданіе Рейналевой философской *«Исторіи торговыхъ поселеній Европейцевъ въ обихъ Индіяхъ»* должно отличать отъ втораго. Это послѣднее можетъ въ нѣкоторомъ отношеніи назваться практической, полезною книгою; первое же чистая декламація, хотя именно оно и доставило автору мѣсто подлѣ Дидро, Мармонтеля и проч. Это обстоятельство имѣетъ значеніе въ томъ смыслѣ, что оно характеризуетъ тогдашнюю эпоху салоновъ и ихъ софистику. Первое изданіе появилось въ 1770 году; Дидро продиктовалъ аббату такія вещи, которыя самъ не смѣлъ передать публикѣ; онъ даже испугался, когда Рейналь осмѣлился это сдѣлать. По поводу этого поверхностнаго произведенія, академики надѣлали такъ много шума, что въ продолженіе девяти лѣтъ, протекшихъ между первымъ и вторымъ изданіями, со всѣхъ сторонъ и концовъ доставлялись автору статистическія данныя и другія замѣтки, необходимыя для подобнаго труда. Такъ какъ книга Рейналя содержала вещи, которыя Дидро, внушившій ихъ, не осмѣлился высказать самъ, то она обратила на себя вниманіе, какое тогда обращалось на всѣ творенія, имѣвшія своимъ началомъ непріязнь къ духовенству, которая у радикальныхъ декламаторовъ переходила въ ненависть къ христіанству, или порывъ освободиться изъ подъ гнета политическаго самовластия, который часто порождаетъ презрѣніе къ нравственному закону и гражданскому порядку. Тюрго изложилъ очень основательное мнѣніе объ этой книгѣ въ письмѣ къ Морелье, который по его порученію находился тогда въ Англіи, для ближайшаго знакомства съ промышленностію, торговлею, фабриками и т. д.

«Мнѣ любопытно было бы знать, что думаютъ Англичане объ «Исторіи обѣихъ Индій». Признаюсь, что я удивляюсь таланту автора и его творенію, но что въ то же время меня поражаетъ недостатокъ связи въ его идеяхъ. Онъ непрерывно высказываетъ парадоксы, которые прямо другъ другу противорѣчатъ, и защищаетъ тѣ и другіе съ одинаковымъ жаромъ, краснорѣчіемъ и фанатизмомъ. Онъ то является проповѣдникомъ строгой нравственности (rigoriste), подобно Ричардсону, то врагомъ всякой нравственности (immoral), подобно Эльвесіусу; то совершеннымъ энтузіастомъ кроткой и нѣжной добродѣтели, или же самаго дикаго разврата и неукротимаго грубаго мужества. Онъ проклинаетъ рабство и въ то же время желаетъ рабовъ, говоритъ безсмыслицу о естествознаніи, о метафизикѣ, а иногда и о политикѣ. Вся книга обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка умнаго и ученаго, которому впрочемъ рѣшительно не приходило въ голову, что въ книгѣ должна быть основная идея или опредѣленная цѣль. Онъ быстро переходитъ отъ одного предмета къ другому съ энтузіазмомъ юнаго ритора. Авторъ кажется далъ себѣ задачу — защищать одинъ за другимъ всѣ парадоксы, которые представились ему при чтеніи другихъ писателей, или пришли ему въ голову въ время грѣзъ на яву. Онъ болѣе, нежели Эльвесіусъ, имѣетъ свѣдѣній, чувства и врожденнаго краснорѣчія, но, говоря правду, у него столь же мало связи въ идеяхъ и знанія существенныхъ свойствъ человѣка, какъ и у Эльвесіуса».

Мы нарочно приводимъ слова Француза, и притомъ такого человѣка, какъ Тюрго, о той сторонѣ сочиненія, до которой намъ нѣтъ собственно дѣла; подписывая приговоръ безъ колебаній, мы все таки должны замѣтить, что Тюрго въ отношеніи своего времени и своей націи былъ совершенно правъ, содѣйствуя славѣ этой книги, въ особенности по второму ея изданію. Масса читателей въ тѣ времена совершенно не имѣла свѣдѣній въ статистикѣ, политикѣ и государственномъ хозяйствѣ; эти люди, которые не стали бы читать ни одной исторіи безъ того, что называется увлекательностью слога, познакомились чрезъ Дидро и Рейналя съ такими вещами, объ истинной сущности которыхъ они не могли строго судить, потому что ничего прежде о нихъ не знали. Мы здѣсь говоримъ о тѣхъ временахъ, когда Россія и Германія одинаково назывались Сѣверомъ, который не стоилъ никакого вниманія, такъ какъ онъ населенъ былъ варварами. Эти времена, безъ сомнѣнія, уже миновали, но слѣды ихъ видны не только въ Парижскихъ газетахъ, имѣющихъ наибольшій кругъ читателей, но даже въ донесеніяхъ множества ученыхъ, которыхъ доктринеры посылаютъ нынѣ въ путешествія насчетъ бѣдныхъ Французовъ. Рейналь разомъ представилъ не

только женщинамъ и салоннымъ болтунамъ, но и торговымъ и разнаго рода дѣловымъ людямъ и вообще народу, бездну статистической учености, цифръ, замѣчаній о торговлѣ и политикѣ, также совершенно новыя, хотя и не совсѣмъ зрѣлыя, понятія о вѣротерпимости и фанатизмѣ. Это относится также и къ королю Прусскому, который впрочемъ собственно не былъ поклонникомъ Рейналя. И онъ читалъ это сочиненіе и обращался съ болтуномъ чрезвычайно дружески, хотя въ то же время довольно грубо обходился съ своими Нѣмецкими учеными Зюсмилхомъ и Бюшингомъ, знатоками на томъ поприщѣ, на которомъ подвизался Рейналь, людьми прилежными, точными и вполне добросовѣстными, но, конечно, скучными и притомъ не рекомендованными изъ Парижа.

Такъ называемые Англійскіе Виги, которые находили у Рейналя, также какъ и у Монтескьё, блистательныя похвалы Англичанамъ, ихъ плутократіи промышленности и всей ихъ эгоистической мудрости, приняли Рейналя съ отверстыми объятіями, когда онъ, осужденный Сорбонною и изгнанный Парламентомъ, прибылъ въ Англію. Такой же пріемъ нашелъ онъ въ Берлинѣ и Голландіи. Посредствомъ путешествій и связей съ людьми, которые видѣли совершенство во всемъ, что было зарекомендовано Парижемъ, Рейналь получилъ возможность дать второму изданію своего сочиненія, явившемуся въ 1781 году, болѣе существенныя достоинства, нежели какія могло получить первое изданіе отъ декламациі Дидро. Многія дѣльныя статистическія, административныя и коммерческія замѣтки, которыя онъ получилъ въ Голландіи и Англіи, отчасти изъ источниковъ не всякому доступныхъ, дѣлали эту книгу, пока не явилась лучшая, почти необходимою, и ее стали читать такіе люди, которые имѣли совершенно вѣрный взглядъ на декламацию энциклопедистовъ. Въ промежутокъ между двумя изданіями вспыхнула Американская война, демократизмъ сталъ модою въ Парижѣ и сообразно этому настроенъ былъ тонъ новаго изданія. Онъ отличался такою запальчивостію, что книгу нужно было печатать въ Женевѣ, точно также какъ сочиненія Руссо — въ Голландіи. Преслѣдованіе, направленное противъ книги и ея автора, дало ей значеніе, какое она въ противномъ случаѣ едва ли бы пріобрѣла. Сорбонна ее осудила. Парламентъ отдалъ повелѣніе сжечь ее по старому обычаю посредствомъ палача и приготовить приказъ объ арестованіи сочинителя, который между тѣмъ оставилъ отечество и за границей праздновалъ свое торжество надъ Парламентомъ и Сорбонною, пока наконецъ, въ 1788 году, онъ могъ спокойно возвратиться въ Францію. Всѣ воспитанные и говорившіе по-Французски Нѣмецкіе принцы и Англійская аристократія обращались съ

этимъ Французомъ совершенно иначе, нежели король Фридрихъ съ Бюшингомъ, надѣвшимъ ему статистическую назойливостію, о чемъ самъ Бюшингъ рассказываетъ съ комическою наивностію. Впрочемъ, правда и то, что Рейналь своею декламаціею, по весьма понятнымъ причинамъ, гораздо болѣе содѣйствовалъ къ распространенію здоровой философій жизни, къ развитію торговли, промысловъ новѣйшаго времени и къ уничтоженію средневѣковыхъ предрасудковъ, нежели Шлёцеръ и Бюшингъ при всей ихъ основательности. Но кого изъ нихъ долженъ предпочесть серьёзный человѣкъ, — это другой вопросъ.

§ 2.

Руссо, Бюффонъ.

Упомянувъ о Руссо въ двухъ первыхъ частяхъ этого сочиненія, мы не говорили о его «Письмахъ съ горы», потому что они, какъ по времени, такъ и по содержанію, относятся къ демократическому движенію послѣдней четверти XVIII столѣтія; здѣсь намъ должно разсмотрѣть ихъ. Руссо писалъ эту демократическую и сильную книгу, какъ адвокатъ своихъ Женевскихъ согражданъ, и мы ставимъ ее наравнѣ съ письмами Юніуса, съ сочиненіями доктора Прайса и Томаса Пена. Въ своихъ письмахъ онъ хотѣлъ юридически доказать, что Женевскіе аристократы незаконно образовали олигархію, которая существовала тогда въ Женевѣ. Идеи, которыя Руссо прежде, въ своей философій о происхожденіи общественнаго союза между людьми (т. е. въ Contrat Social), развивалъ посредствомъ діалектики и умозрѣній, отдавая тѣмъ отъ книги читателя, лишеннаго строго философскаго образованія, — онъ излагаетъ въ «Письмахъ съ горы» самымъ понятнымъ образомъ для каждаго простаго гражданина, который съ молодыхъ лѣтъ принималъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

По обыкновенію слабыхъ правительствъ, часто жертвующихъ отдѣльными гражданами изъ угодливости къ сильнымъ или изъ слабости, Малый Женевскій Совѣтъ въ дѣлѣ Руссо поступилъ, въ угоду Франціи, по совѣту Каіафы. Извѣстно, что Дантъ въ своей «Божественной Комедіи» представляетъ этого первосвященника за такой совѣтъ (che convenia porre un uomo per il popolo a martiri—одинъ человѣкъ долженъ пострадать за народъ) распятымъ на дыбъ ада и попираемымъ ногами. Женевскій Магистратъ, чтобы освободить себя и Женевскихъ священниковъ отъ всякаго подозрѣнія въ сочувствіи къ религіозному раціонализму Руссо, послѣдовалъ примѣру Парламента и архіепископа Кристофа де-Бомона. Именно, онъ издалъ декретъ, въ которомъ объявлено, что содержащіяся въ немъ

661199

натуралистическія, или какъ нынѣ говорятъ, раціоналистскія признанія Савойскаго священника, съечь рукою палача и дать повелѣніе объ арестованіи сочинителя. Оба эти рѣшенія, согласно правиламъ Женевской конституціи, не могли быть изрѣчены противъ Женевскаго гражданина въ томъ видѣ, въ какомъ то было сдѣлано. Тогда Руссо жилъ въ Нѣвшателѣ, штатгальтеръ котораго, лордъ Кейтъ, бывший наслѣдственный ландмаршалъ Шотландіи, принялъ его, съ согласія короля Фридриха, подъ свое покровительство. Оттуда, весною 1763, онъ обнародовалъ противъ пастырскаго посланія архіепископа Парижскаго грозное письмо, въ которомъ совершенно уничтожилъ архіепископа, не прибѣгая ни къ какимъ грубостямъ. Противъ Женевской олигархіи Руссо ничего не писалъ, ожидая, что Женевскіе граждане увидятъ въ его дѣлѣ свое собственное. Онъ тогда былъ вдвойнѣ раздраженъ противъ малодушныхъ Женевскихъ олигарховъ, которые осудили его не выслушавъ, потому что они нѣкоторымъ образомъ были противъ него въ заговорѣ съ правителями Берискими, которые не хотѣли даже терпѣть его въ Иверденѣ. Всѣ эти гоненія, какъ во Франціи, такъ и въ Швейцаріи, дали значеніе и между тѣмъ все-таки не помѣшали печатанію его сочиненій. Стоитъ только вникнуть въ обстоятельства, чтобы увидѣть, какъ власти отдавали себя и старыя привычки, которымъ слѣдовали, какъ будто нарочно, на жертву ненависти и презрѣнія.

Въ Парижѣ знатнѣйшіе господа и дамы ухаживали за Руссо и не находили словъ, чтобы выразить ему свое удивленіе; начальникъ цензуры во Франціи, благородный Мальзербъ, принялъ на себя трудъ корректора при печатаніи «Эмиля». Книгу, которую осудили архіепископъ и Парламентъ, должно было печатать въ Голландіи, а министръ покровительствовалъ сочиненію, которое Парламентъ велѣлъ съечь—какая путаница! Принцъ Конти первый извѣстилъ Руссо о декретѣ Парламента, герцогъ Люксанбургскій предложилъ ему убѣжище и способствовалъ его бѣгству, король Пруссій взялъ его подъ свою защиту, милордъ Маршалъ хотѣлъ доставить ему пенсіонъ. Тысячи писемъ осыпали его со всѣхъ сторонъ и къ этому странному человѣку ходили на поклоненіе, какъ нѣкогда къ анахоретамъ лустыни. Руссо страдалъ уже тогда душевною болѣзнію, онъ былъ полонъ причудъ и мизантропіи, чего не можетъ случиться съ здоровымъ и крѣпкимъ человѣкомъ; между тѣмъ, поклонники старой системы преслѣдовали его, какъ разбойника. Этимъ преслѣдованіемъ они дали ему политическій вѣсъ въ Женевѣ, вмѣсто того, чтобы выждать, пока пройдетъ упоеніе моды, которое пустымъ звукомъ словъ увлекаетъ толпы людей то къ рабству и суетвѣрію, то къ фанатической жадѣ свободы.

Руссо ожидалъ, что Женевскіе граждане, издавна недовольные жителями верхняго города, которые, какъ и Бернцы, смотрѣли на нихъ съ высока, — возмутъ его сторону, или что, по крайней мѣрѣ, духовенство сдѣлаетъ возраженіе противъ дѣйствій протестантскихъ юристовъ, поступившихъ точно также, какъ Сорбонна и Парижскій Парламентъ. Но онъ обманулся и потому отказался отъ своего права гражданства, въ письмѣ отъ 12 мая 1763 г. къ первому синдикъ республики, де-Фавру, которое составило эпоху въ исторіи ея. Это мастерское письмо, написанное съ большимъ искусствомъ и съ необыкновенною умѣренностію (8), было сигналомъ гражданскихъ безпокойствъ внутри Женевской республики по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, Женевскіе граждане, сколь ни сильно было у нихъ кальвинистское правовѣріе, желали, чтобы съ Руссо, который былъ имъ дорогъ, какъ наегиристъ ихъ государства и слава его, обходились не какъ съ преступникомъ, а какъ съ заблуждающимся человѣкомъ; во-вторыхъ, они видѣли, что поступокъ Малаго Совѣта несогласенъ былъ съ ихъ конституціей. Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о литературѣ, то мы не будемъ подробно излагать тогдашняго внутренняго устройства Женевы, которое, какъ и вообще устройство большей части Швейцарскихъ кантоновъ и Нѣмецкихъ Имперскихъ городовъ, въ прошломъ столѣтіи, было весьма сложно и запутанно; однакожъ мы должны указать нѣкоторыя его черты. Мы выберемъ преимущественно такія изъ нихъ, которыя важны по связи незначительной самой по себѣ борьбы Женевскихъ гражданъ про-

(8) Въ немъ говорится: «Оправившись отъ продолжительнаго удивленія, въ которое привелъ меня поступокъ свѣтлѣйшаго совѣта, какого я всего менѣе могъ ожидать, я рѣшаюсь наконецъ на то, что предписываютъ мнѣ честь и разумъ, сколь это ни тяжело для моего сердца. И такъ объявляю вамъ, милостивый государь, и прошу васъ передать свѣтлѣйшему совѣту, что я отказываюсь навсегда отъ права гражданства въ городѣ и республикѣ Женевѣ. Исполнивъ какъ только могъ всѣ обязанности, связанныя съ званіемъ гражданина, и не воспользовавшись въ то же время ни однимъ изъ его преимуществъ, я не считаю себя въ долгу у государства, которое оставляю. Я старался съ честію носить Женевское имя, я нѣжно любилъ моихъ соотечественниковъ, я все дѣлалъ для пріобрѣтенія ихъ любви, и потерпѣлъ неудачу, болѣе которой быть не можетъ; и однако я хочу имъ угождать даже въ то время, когда они меня ненавидятъ. Послѣдняя жертва, которую мнѣ остается принести, состоитъ въ имени, которое было мнѣ такъ дорого. Но, милостивый государь, дѣлаясь чуждымъ для моего отечества, я не могу стать къ нему равнодушнымъ; я связанъ съ нимъ нѣжнымъ воспоминаніемъ и забуду однѣ только обиды его. Пусть оно всегда благоденствуетъ, и увидитъ пріумноженіе своей славы! Да избежитъ оно гражданами лучшими и въ особенности болѣе счастливыми, нежели я!»

тивъ ихъ олигархическаго правительства съ общимъ направленіемъ Европы. Мы увидимъ, въ послѣдствіи, что «Письма съ горы», развивая демократическія начала «Общественнаго Договора» (Contrat social), имѣли одинаковое дѣйствіе съ рѣчами Бёрка, Фокса, Баррè, и сочиненіями Франклина, Пена, Прайса, и что какъ эти сочиненія на сѣверѣ, такъ письма Руссо въ сердцѣ Европы, страшно колебали феодальную систему.

Граждане Женевскіе раздѣлялись тогда на 5 классовъ; каждый имѣлъ различныя права и обязанности, у всѣхъ ихъ были разные названія: граждане государственные (citoyens), граждане промышленники (bourgeois), обыватели (habitans), уроженцы (natifs) и наконецъ подданные. Только два первые класса имѣли участіе въ правленіи и законодательствѣ, и только такъ называемые государственные граждане могли отправлять высшія должности. Число гражданъ первыхъ двухъ классовъ, вмѣстѣ взятыхъ, доходило не болѣе, какъ до 1,600 человекъ, между тѣмъ, какъ въ классахъ, исключенныхъ отъ участія въ государственномъ управленіи, считалось до 40 тысячъ. Это большинство гражданъ было не только совершенно устранено отъ всякаго участія въ дѣлахъ правленія, но и во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе обременено, не пользуясь тѣми многочисленными преимуществами, какими пользовались 1,600 человекъ. Даже и оба первые привилегированные класса обыкновенно не были спрашиваемы, когда дѣло шло о мѣрахъ, касающихся собственно олигархіи; ихъ не слушали, тогда, когда они хотѣли поддержать права свои. Весьма немногія фамиліи, совершенно въ противность конституціи, сосредоточили въ своихъ рукахъ всю власть, что было сдѣлано посредствомъ учрежденія правительственныхъ коллегій, придуманнаго съ Женевскою хитростью. Эти фамиліи, точно также, какъ прежніе Бернскіе патриціи и многія другія аристократическія правительства, управляли народомъ патріархально, и можетъ быть даже лучше, чѣмъ управляли бы демократическія власти; но ихъ согражданамъ все-таки было обидно, подобно дѣтямъ, вѣчно состоять подъ ферулою господъ верхняго города. Они охотно бы отказались отъ нѣкоторой части своего физическаго спокойствія и матеріальнаго благосостоянія, если бы доброжелательные отцы-правители поболѣе довѣряли имъ въ нравственномъ отношеніи и считали бы ихъ за людей совершеннолѣтнихъ. Правительство состояло, во-первыхъ, изъ сената, который вмѣстѣ съ тѣмъ была высшею судебною и правительственною коллегіею, какъ въ Нѣмецкихъ Имперскихъ городахъ. Этотъ Малый Совѣтъ состоялъ изъ 25 членовъ, изъ которыхъ Большой Общинный Совѣтъ ежегодно выбиралъ четырехъ синдиковъ, предсѣдательствовавшихъ въ различныхъ коллегіяхъ или въ городскихъ управленіяхъ. Первый синдикъ былъ президентомъ всѣхъ

4-хъ совѣтовъ; этимъ прикрывали олигархію, показывая видъ, будто бы она ограничена; впрочемъ, никто тутъ не былъ обманутъ. Второй изъ совѣтовъ былъ Большой Общинный Совѣтъ, состоявшій изъ всѣхъ гражданъ первыхъ двухъ классовъ. Безъ его согласія нельзя было ни назначать новыхъ налоговъ, ни издавать законовъ; но онъ могъ только разсуждать о предложеніяхъ, сдѣланныхъ ему Малымъ Совѣтомъ, самъ же не имѣлъ права дѣлать никакихъ предложеній, и состоялъ подъ наблюденіемъ *Совѣта двухъ-сотъ*. Этотъ третій совѣтъ маленькой республики, въ продолженіи XVIII столѣтія, нѣсколько увеличился, — съ 1738 г., его составляли уже двѣсти пятьдесятъ, а не двѣсти членовъ. Это была избирательная коллегія для Малаго Совѣта, который въ свою очередь назначалъ членовъ Совѣта двухъ-сотъ. Такимъ образомъ, все вращалось въ одномъ и томъ же кругу. Кромѣ избранія членовъ Малаго Совѣта, Совѣтъ двухъ-сотъ имѣлъ еще право помилованія, право чеканить монету, и при томъ былъ судомъ второй инстанціи. Совѣтъ двухъ-сотъ могъ дѣлать предложенія Малому Совѣту, но самъ совѣщался только о томъ, что ему предлагалось Малымъ Совѣтомъ. Четвертый совѣтъ, *Совѣтъ шестидесяти*, не былъ собственно отдѣльнымъ правительственнымъ мѣстомъ, это былъ тайный комитетъ, составленный изъ 25 членовъ Малаго Совѣта и 35 членовъ Совѣта двухъ-сотъ. Онъ завѣдывалъ секретными дѣлами и внѣшними сношеніями. Главнымъ лицомъ въ такомъ государственномъ устройствѣ былъ генеральный прокуроръ (*procureur-général*), который чрезъ каждые три года былъ избираемъ Совѣтомъ двухъ-сотъ, изъ членовъ Большаго Общиннаго Совѣта. Онъ не только имѣлъ обязанностью руководить юридическими дѣлами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и государственнымъ софистомъ, то-есть, долженъ былъ философски доказывать превосходство всѣхъ распоряженій, дѣлаемыхъ знатными правительствующими лицами. Большой Совѣтъ, правда, могъ дѣлать предложенія Малому, а также Совѣту двухъ-сотъ, но послѣдніе два имѣли такъ называемое право отказа (*droit négatif*), то есть, они могли, не объясняя даже причины, остаться при своихъ рѣшеніяхъ. Поэтому Большой Совѣтъ и собирался только нѣсколько разъ въ году, единственно по поводу выборовъ; въ остальныхъ же случаяхъ умѣли обходиться безъ него. Уже въ 1738 г. существовало сознаніе, что это аристократо-олигархическое правительство, пополнявшееся всегда членами небольшого числа фамилій, находилось въ противорѣчій съ потребностями времени и съ перемѣнами, которыхъ онѣ безпрестанно требовали, особенно въ торговомъ городѣ. Поэтому граждане вступили въ борьбу съ олигархією. Послѣдствіемъ волненій было нѣкоторое расширеніе круга олигархіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ то что было

прежде самовольнымъ присвоеніемъ, обратилось въ писанное право. Женевская олигархія получила еще болѣе прочное основаніе, потому что дворянская аристократія Берна и еще гораздо худшая мѣщанская и купеческая аристократія Цюриха, также и военно-монархическое правитель-ство Франціи, гарантировали неприкосновенность новой конституціи. Съ того времени Французскій резидентъ въ Женевѣ и Бернскіе аристо-краты пріобрѣли въ ней огромное вліяніе и съ 1762 года и тотъ и другіе имѣли столь же основательныя причины, какъ и сама Женевская олигархія, преслѣдовать въ лицѣ Руссо проповѣдника демократіи. Но Фридрихъ II, взявъ подъ свое покровительство защитника демократіи противъ олигарховъ, дозволилъ Руссо и жить въ Мотье-Траверь, и даже начать оттуда, за Женевскій народъ, ожесточенную борьбу съ оли-гархами.

Письмо, которымъ Руссо отказался отъ гражданства, пробудило на-конецъ отъ сна Большой Общинный Совѣтъ. Пользуясь своимъ правомъ, онъ протестовалъ противъ того, что гражданина, уважаемаго во всей Европѣ, осудили не выслушавъ, и даже не призывая въ судъ. Малый Совѣтъ поступилъ по обыкновенію, онъ воспользовался своимъ правомъ не давать никакого отвѣта. Поэтому между обоими совѣтами дошло до открытаго разрыва и Большой Совѣтъ произвелъ остановку въ дѣлахъ, отказавшись выбирать четырехъ президентовъ или синдиковъ. Къ спору по поводу Руссо присоединились еще другія причины раздора, и поли-тическія безпокойства въ Женевѣ продолжались болѣе четырехъ лѣтъ. Мы упоминаемъ здѣсь объ исторіи гражданскихъ споровъ отдѣльнаго не-большаго города только по отношенію ихъ къ демократическимъ пись-мамъ Руссо, поэтому достаточно сказать, что борьба кончилась только въ 1768 г. Государства, гарантировавшія конституцію 1738 г. вмѣша-лись въ это дѣло, при ихъ посредничествѣ начались переговоры, резуль-татомъ которыхъ былъ такъ называемый мирный эдиктъ (*édit de ra- pacification*); на основаніи его Большой Совѣтъ получилъ нѣкоторыя но-выя, впрочемъ, незначительныя права, между тѣмъ какъ огромное боль-шинство Женевцевъ остались подданными господствующимъ фамилій.

Руссо сначала не вмѣшивался въ этотъ споръ, онъ тогда только взялся за перо, когда депутаты Большаго Совѣта стали его просить объ этомъ, не имѣя другаго защитника, потому что всѣ искусныя перья маленькаго государства откуплены были правительствомъ. Казалось, тог-дашній генераль-прокуроръ Троншенъ, человѣкъ съ большимъ образова-ніемъ и талантомъ, нанесъ смертельный ударъ дѣлу демократіи своимъ сочиненіемъ «Письма съ поля» (*Lettres de la campagne*). Но граждане тайно обратились къ Руссо, и онъ написалъ противъ этого сочиненія

Троншена, которое онъ самъ называетъ мастерскимъ, девять писемъ. Всѣ они были напечатаны потихоньку и Руссо далъ имъ заглавіе «Писемъ съ горы» (*Lettres écrites de la montagne*), въ противоположность «Письмамъ съ поля» (*campagne*), противъ которыхъ они были направлены (9). Печатаніе производилось въ Голландіи; эта книга, внезапно и неожиданно появившаяся въ свѣтъ, имѣла во Франціи и во Французской Швейцаріи, подчиненной тогда гордымъ аристократамъ, такое же дѣйствіе, какъ письма Юніуса въ Англіи, хотя по самому содержанию эти письма не могли отличиться тѣмъ стилемъ, который возбуждаетъ наше величайшее удивленіе въ письмѣ къ Парижскому архіепископу. Эти «Письма съ горы» въ сравненіи съ почти современнымъ мастерскимъ стилемъ Лессинга, съ трудами Франклина и Англійскихъ ораторовъ и съ произведеніями Французскихъ классиковъ XVIII столѣтія, представляютъ характеръ стиля классиковъ всѣхъ народовъ прошлаго столѣтія, въ рѣзкомъ контрастѣ съ направленіемъ и стилемъ романтиковъ и объективныхъ историковъ нашего времени.

Руссо, какъ Лессингъ, относительно государственной религіи боролся блестящимъ и для всѣхъ доступнымъ образомъ за право разумнаго изслѣдованія противъ слѣпой вѣры, относительно политическаго устройства—за участіе народа въ управленіи государствомъ, которое ведется на его счетъ и защищается его кровью. Онъ очень правильно раздѣлилъ свои

(9) Для читателей, которые не имѣютъ подъ рукою его исповѣди (*Confessions*), мы приведемъ его собственныя слова. Въ двѣнадцатой книгѣ второй части онъ говоритъ: «Эти ссоры и безпокойства въ Женевѣ были причиною появленія различныхъ брошюръ, которыя ничего не рѣшили до тѣхъ поръ, пока не появились «Письма съ поля», сочиненіе, написанное въ пользу совѣта съ величайшимъ искусствомъ: оно, заставивъ замолчать партію представителей, на нѣкоторое время совсѣмъ ее уничтожило. Это сочиненіе, прочный памятникъ рѣдкихъ талантовъ его автора, принадлежитъ генераль-прокурору Троншену, человѣку умному и просвѣщенному, весьма близко знакомому съ законами и съ управленіемъ республики. *Siluit terra* Представители, оправившись отъ перваго удара, рѣшились отвѣчать и въ послѣдствіи довольно удачно выпутались изъ дѣла. Но всѣ обратили взоры на меня, какъ на единственнаго человѣка, который можетъ бороться съ такимъ противникомъ и надѣяться его ниспровергнуть. Признаюсь, что я думалъ точно также и, побуждаемый моими прежними согражданами, поставлявшими мнѣ въ обязанность помочь имъ моимъ перомъ въ затрудненіи, котораго я былъ причиною, я принялъ на себя опроверженіе «Писемъ съ поля» и заглавіе ихъ пародировалъ заглавіемъ «Писемъ съ горы», которое далъ своимъ письмамъ. Я задумалъ и выполнилъ это такъ тайно, что когда, при свиданіи съ главами представителей, которое я имѣлъ въ Тононѣ для переговоровъ объ ихъ дѣлахъ, они мнѣ показали проэктъ ихъ отвѣта, я имъ ни слова не сказалъ о моемъ отвѣтѣ, который уже былъ готовъ».

письма на двѣ книги; первая книга посвящена отчасти защитѣ положенія, которое у Нѣмцевъ впослѣдствіи такъ блистательно проводилъ и Лессингъ въ своихъ сочиненіяхъ противъ клерикаловъ и теологовъ, именно, что ихъ авторитетъ не долженъ мѣшать нашему изслѣдованію; отчасти она посвящена защитѣ его собственнаго дѣла. Именно, въ этихъ первыхъ шести письмахъ рѣчь идетъ сначала о томъ, долженъ ли протестантъ вообще вѣрить въ чудеса; затѣмъ изслѣдуется поведеніе Женевскихъ судей относительно Руссо. Три послѣднія письма, или вторая книга, посвящены защитѣ дѣла демократіи противъ аристократіи.

Три первыхъ письма, къ которымъ можно причислить еще и четвертое, опять составляютъ особый отдѣлъ, потому что говорятъ исключительно о церковной полиціи и о правѣ государства относительно свободнаго выраженія мнѣній о предметахъ религіи; пятое и шестое относятся только къ Женевскому судопроизводству и къ соблюденію юридическихъ формъ, которыя были нарушены не только противъ Руссо, но и противъ другихъ. Мы можемъ опустить эти послѣднія письма потому уже, что упоминаемъ о «Письмахъ съ горы» только въ томъ смыслѣ, что въ этихъ «Письмахъ» Руссо съ одной стороны вмѣстѣ съ Землеромъ и Лессингомъ боролся за свободу изслѣдованія и критики противъ теологін университетовъ и консисторій, а съ другой, вмѣстѣ съ Франклиномъ, Фоксомъ, Прайсомъ, Пеномъ, за новый порядокъ въ гражданскихъ вещахъ. Первые три письма разъясняютъ вопросъ: можетъ ли протестантское государство обязывать своихъ гражданъ основывать свою вѣру въ ученіе Христа на его чудесахъ? Другими словами, если мы поставимъ вопросъ нѣсколько иначе, болѣе положительно и исторически, они разъясняютъ вопросъ: можетъ ли государственная полиція Среднихъ Вѣковъ въ церковныхъ вещахъ, — противъ которой въ первой половинѣ XVIII вѣка поднимались голоса только изрѣдка, — быть примѣняема и во второй половинѣ этого вѣка, въ то время, когда противъ нея протестовали люди, наиболѣе достойные уваженія?

Первое письмо въ самомъ началѣ съ настоятельной діалектикой и безъ всякой декламации говоритъ о религіи и догматѣ, о духѣ христіанства, о государственной религіи и церковной обрядности, причемъ Руссо обнаруживаетъ гораздо болѣе ревности къ чистому ученію Христа, чѣмъ показалъ хваленый Монтескьё. Руссо доказываетъ, что то, что рекомендуется и восхваляется, какъ христіанство, въ знаменитомъ «Духѣ Законовъ», никогда не испытывшемъ нападеній отъ аристократіи и обожаемомъ богомольными Англичанами, вовсе не есть истинный духъ христіанства, который онъ съ своей стороны почитаетъ и проповѣдуетъ. Относительно поднятыхъ противъ него обвиненій въ возбужденіи къ возста-

нію и оскорбленію государственной религіи, онъ доказываетъ, что очень легко вырвать изъ связи отдѣльныя мѣста въ самой Библіи, какъ вырвали разныя мѣста изъ его сочиненій, и такимъ способомъ составить гораздо болѣе рѣзкое обвиненіе противъ евангелистовъ, какъ противъ возмутителей общественнаго спокойствія, чѣмъ то, какое было составлено противъ «Эмilia». Мы приводимъ въ примѣчаніи это очень острое и характерное мѣсто, потому что въ наше время, къ сожалѣнію, снова грозитъ войти въ господство манера поднимать обвиненія противъ всякаго, кто не бываетъ тѣмъ, чѣмъ надо быть по времени, или благочестивымъ, или невѣрующимъ (10). Къ тому, что мы приводимъ внизу, Руссо прибавляетъ слѣдующее: что сказать людямъ, если кто нибудь вышеприведеннымъ образомъ вырветъ изъ связи мѣста евангелія, а потомъ изъ вырванныхъ клочковъ составитъ опять цѣлое и этому своему сочиненію, постыдно клеветующему на евангелистовъ, дать названіе «евангелическаго исповѣданія»? Что подумать, если потомъ этотъ ужасный пасквиль будетъ съ торжествующей миной выдаваться благочестивыми фарисеями за сущность ученія Христа? И однако же къ этому приводитъ такой недостойный способъ полемики.

Приведенными сейчасъ положеніями Руссо пролагаетъ себѣ путь къ тому, чтобы во второмъ письмѣ говорить о государственной религіи Женецевъ и объ отношеніяхъ ея къ реформациі. Это—введеніе къ изслѣдованію о томъ, на сколько можетъ быть преступленіемъ не вѣрить въ чудеса христіанства. Изъ свойства и характера реформациі онъ доказываетъ, что всякому реформату, если только онъ признаетъ содержаніе евангелія за божественную вѣсть, должно быть позволено понимать и

(10) Руссо заставляетъ своего генераль-фискаля говорить: «Мы призываемъ строгость суда (*nous déférons*) противъ возмутительной, безбожной и преступной книги, мораль которой состоитъ въ томъ, чтобы грабить бѣдняка для обогащенія богатаго (Матѣ. XIII, 12; Лук. XIX, 26.), внушать дѣтямъ, чтобы они отрицались отъ своей матери и братьевъ (Матѣ. XII, 48; Марк. XXVII, 33), не задумываясь присвоивать себѣ чужое имѣніе (Матѣ. XI, 2; Лук. XIX, 30), не давать злымъ никакого хорошаго ученія, потому что иначе они бы обратились и могли достигъ прощенія (Марк. IV, 12; Іоан. XII, 40), ненавидѣть отца, мать, жену, дѣтей и всѣхъ своихъ кровныхъ родныхъ (Лук. XIV, 26). Я обвиняю книгу, въ которой вездѣ раздувается пламя раздора (Матѣ. X, 34; Лук. XVI, 51, 52), которая похваляется, что вооружаетъ сына противъ отца (Матѣ. X, 35; Лук. XII, 53), родныхъ другъ противъ друга, рабовъ противъ ихъ господъ (Матѣ. X, 36); книгу, въ которой проповѣдуется нарушеніе закона (Матѣ. XXI, 2 и слѣд.), гдѣ преслѣдованіе выдается за обязанность (Лук. XIV, 23), гдѣ, чтобы сдѣлать народъ толпой разбойниковъ, вѣчное блаженство дѣлается хищеніемъ насилія и добычей сильнаго (Матѣ. XI, 12).

толковать это содержаніе по своему крайнему разумѣнію. При этомъ случаѣ онъ дѣлаетъ заявленіе, съ которымъ можетъ согласиться всякій мыслящій и послѣдовательный протестантъ. Сообразно этому положенію и совершенно послѣдовательно съ ученіемъ о слѣпой вѣрѣ, многіе учителя Англійской высокой церкви теперь публично стали проповѣдниками папизма, и нѣкоторые члены высокой церкви перешли въ него сообразно съ этимъ положеніемъ. Мы сдѣлали бы то же самое, если бы дѣйствительно пришлось или принимать деревянную догматику протестантскихъ профессоровъ, или исповѣданіе старой церкви, для того, чтобы не подвергнуться преслѣдованію и опозоренію. Руссо именно говоритъ: «если кто нибудь докажетъ мнѣ сегодня, что я въ дѣлахъ вѣры долженъ подчиниться чьему нибудь чужому рѣшенію, то я завтра же сдѣлаюсь католикомъ, и то же сдѣлаетъ всякій прямодушный и послѣдовательный человѣкъ». Это приводитъ его къ *новому папизму*, который образовался въ XVI столѣтіи, и къ Кальвину. Онъ говоритъ о немъ съ величайшимъ уваженіемъ и объясняетъ его нетерпимость обстоятельствами времени, и при этомъ извиняетъ его слѣдующимъ образомъ: «Постоянные споры и раздоры съ католическимъ духовенствомъ сообщили и протестантскому духу спора и казуистики. Усвоивши себѣ этотъ духъ, они захотѣли все рѣшать, все подводить подъ правила, всему давать опредѣленіе; каждый очень скромно старался сдѣлать свое собственное личное мнѣніе высшимъ закономъ для всѣхъ. Такимъ образомъ, конечно, нельзя было жить въ мирѣ. Кальвинъ былъ безспорно великій человѣкъ, но онъ былъ однако человѣкъ, и, что еще хуже, теологъ; притомъ онъ имѣлъ всю гордость отличной головы, которая сознаетъ свое превосходство, и которой очень не нравится, если это превосходство оспариваютъ. Большая часть его товарищей были въ такомъ же положеніи, но ихъ всего больше можно порицать за то, что они были такъ непослѣдовательны».

Дальше онъ мастерски развиваетъ эти положенія, и съ побѣдоноснымъ краснорѣчіемъ и большой убѣдительностью доказываетъ, какъ смѣшно поддерживать государственной полиціей и внѣшней силою вѣру въ чудеса и положеніе, выставляемое нѣкоторыми учеными рядомъ съ евангеліемъ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что дѣло приходитъ къ тому, чтобы вмѣсто старой церкви и ея преданія выбрать нѣсколько отдѣльныхъ людей и сдѣлать ихъ пророками. Онъ говоритъ положительно: «я заключаю отсюда, что утверждать, что чудеса нужны для доказательства божественнаго посланничества вѣстниковъ неба, проповѣдующихъ новое ученіе, значить подкапывать первыя основы всей реформациі; когда принимаютъ это для опроверженія меня, то ошибаются совершенно такимъ же способомъ, какъ фальшиво обвиняютъ меня, будто

ошибаюсь я». Это доставляетъ переходъ къ самымъ чудесамъ и къ изложенію разсудительнаго и умѣреннаго раціонализма, въ которомъ уже заключается все то, чему десять лѣтъ спустя училъ Лессингъ, а двадцать лѣтъ спустя учили всѣ Нѣмецкіе теологи, и что теперь проклинается и, что еще хуже, преслѣдуется ими какъ ересь. Руссо показываетъ здѣсь путь къ тому, какъ мимо К. Ф. Бардта, безъ объясненія чудесъ, безъ символизированія исторіи, безъ ученаго экзегеза достигать при посредствѣ Писанія до религіи сердца и духа.

Мы приводимъ эти мѣста именно потому, что эти три письма по-видимому занимаютъ только процессомъ Руссо и преступленіемъ невѣрія, въ которомъ его обвиняли по поводу признаній Савойскаго викарія. Собственно говоря, въ нихъ съ побѣдоносною діалектикою излагаются вопросы, которые, начиная съ 1770 г., приводили въ движеніе всю Германію. Это была единственная страна, гдѣ мнѣнія Руссо могли имѣть доступъ, потому что въ Швеціи и Даніи лютеранизмъ окаменѣлъ, а Англиканская церковь по основаніямъ своимъ принадлежитъ къ Римской: она имѣетъ приходы и епископовъ, пѣровъ, которые не могутъ пропускать свѣта въ свои храмы. Два послѣднія письма первой книги занимаютъ весьма сухимъ предметомъ; но Руссо, подобно Лессингу, обладаетъ чрезвычайно труднымъ искусствомъ заставлятъ своихъ читателей слѣдовать за нимъ по самымъ сухимъ пустынямъ. Въ этихъ письмахъ рѣчь идетъ только о Женевскомъ государственномъ правѣ, о Женевскихъ процессахъ и формахъ суда, но шестое письмо, и особенно вторая его половина, для новаго государственнаго права Европы имѣетъ столь же важное значеніе, какое имѣли три первыхъ письма для мерцавшаго въ то время въ Германіи свѣта протестантскаго богословія. Въ этомъ шестомъ письмѣ, Руссо доходитъ до крайнихъ предѣловъ демократической системы государственнаго управленія. Онъ не останавливается на томъ, на чемъ позднѣе остановились Англіійскіе ораторы и самъ Мирабо, но высказываетъ нѣсколько иначе тѣ же мысли, которыя высказали знаменитые демократы Франклинъ, Пенъ и Прайсъ. Въ этомъ письмѣ, онъ съ рѣзкою краткостью излагаетъ ученіе о верховной власти народа, которое онъ высказалъ въ «Общественномъ Договорѣ», защищаетъ его и, въ трехъ послѣдующихъ письмахъ, примѣняетъ къ Женевской конституціи и такимъ образомъ дѣлаетъ его осязательнымъ. При такомъ способѣ изложенія, Руссо, разумѣется, долженъ былъ впадать въ большія ошибки, — это случается со всякимъ, кто, не познакомившись основательно съ исторіею и не изучивъ людей въ тѣсныхъ отношеніяхъ жизни, какъ они есть и какими всегда останутся, выдумываетъ теоріи государственнаго устройства. Конечно, это

именно обстоятельство способствовало къ тому, что люди, которые своими предразсудками и чувствами увлекаются то къ фанатизму свободы, то къ свѣтскому и духовному деспотизму, придавали этимъ письмамъ гораздо большее значеніе, нежели какое могла бы имѣть сухая истина дѣйствительности.

Въ этихъ трехъ послѣднихъ письмахъ Руссо также сначала говоритъ о самомъ себѣ. Ему поставлено было въ преступленіе, говоритъ онъ, что въ своемъ «Общественномъ Договорѣ» онъ выставилъ вредную теорію; объявлено было, что книга заслуживаетъ сожженія, потому что авторъ ея показалъ себя врагомъ всѣхъ существующихъ правительствъ. Содержаніе этого *Contrat social*, вполнѣдствіи сдѣланнаго Сенъ-Жюстомъ столь вреднымъ во Франціи, — по которому существенное и неотъемлемое верховное право народа присвоивается всѣмъ членамъ народа, — Руссо старается изложить въ немногихъ ясныхъ положеніяхъ для народа, а не для школы. Затѣмъ онъ излагаетъ весь результатъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Въ самомъ дѣлѣ, не узнаете ли вы, Женевцы, въ исторіи вашей республики, съ самаго ея начала и до нынѣшняго дня, этотъ самый новый общественный договоръ, это свойство неограниченной верховной власти, это господство законовъ, это учрежденіе правительства, этотъ способъ постепенно сосредоточивать его, чтобы недостатокъ нравственного вѣса замѣнить внѣшней силой, это стремленіе къ узурпаціи, эти повторяющіяся собранія, эту ловкость избѣгать ихъ рѣшеній, это совершенное прекращеніе ихъ, которое, говоря коротко, угрожаетъ теперь вамъ, Женевцамъ, и которое я желалъ бы предотвратить. Не узнаете ли вы каждую изъ этихъ чертъ въ вашей исторіи? Я принялъ (и это особенно надо замѣтить относительно того дѣйствія, какое Руссо имѣлъ какъ оракулъ своего времени), также, Женевцы, вашу конституцію за образецъ того, какимъ образомъ, по моему мнѣнію, должны бы быть устроены всѣ государства, и былъ такъ далекъ отъ желанія нарушать вашу конституцію, что, напротивъ, указывалъ вамъ средства, какъ сохранить ее. Довольно странно, поэтому, что мои Женевскіе обвинители присуждаютъ къ сожженію книгу, которая, по ихъ мнѣнію, нападаетъ на всѣ другія правительства и конституціи и однако не преслѣдуется ими за это, — осуждаютъ потому, что Женевская конституція есть единственная, которая въ этой книгѣ представляется какъ примѣръ для другихъ, и которую эта книга желаетъ сохранить».

Мы пропускаемъ защиту Руссо противъ обвиненія, что онъ — врагъ всякаго аристократическаго и монархическаго правленія. Для нашей исторической цѣли важнѣе указать одинъ очень искусный оборотъ,

посредствомъ котораго онъ пользуется Женевскимъ раздоромъ, чтобы объяснить въ этихъ письмахъ, въ какомъ отношеніи внутренній характеръ и эгоистическая мудрость всѣхъ аристократій относится къ понятію о цѣли государства. «Вы спрашиваете меня, — говоритъ онъ въ седьмомъ письмѣ къ своимъ Женевскимъ согражданамъ, не принадлежащимъ къ Малому Совѣту, — вы спрашиваете меня, въ какомъ положеніи въ настоящее время находится ваша республика, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что должны дѣлать ея граждане? На первый вопросъ отвѣчать гораздо легче, чѣмъ на второй. Первый вопросъ кажется труденъ только потому, что на него можно дать два совершенно противоположные отвѣта. Люди совершенно разсудительные отвѣчаютъ на него: мы самый свободный народъ; другіе столько же разсудительные люди отвѣчаютъ: мы живемъ въ самомъ суровомъ рабствѣ. Кто же говоритъ правду, спрашиваете вы? Я отвѣчаю: и тѣ, и другіе, смотря по тому, какъ смотрѣть на дѣло; ихъ соединяетъ одно маленькое различіе. Ничто не можетъ быть свободнѣе вашего состоянія въ томъ видѣ, каково оно должно быть по законамъ; нѣтъ ничего болѣе рабскаго, чѣмъ ваше состояніе, каково оно на дѣлѣ теперь. Ваши законы обязательны только потому, что они исходятъ отъ васъ; вы признаете только тѣ законы, какіе сдѣлали вы сами; вы платите только тѣ налоги, какіе наложили вы сами; вы выбираете начальства, которыя должны вами управлять, и эти начальства имѣютъ право судить и рядить васъ только подъ извѣстными, опредѣленными и предписанными формами. Въ своемъ Большомъ Совѣтѣ вы — законодатель, неограниченный повелитель, независимый ни отъ какой человѣческой силы. Вы заключаете договоры, вы рѣшаете о войнѣ и мирѣ, ваши начальства даже называютъ васъ великомочными, высокопочтенными и правительствующими господами. Это будетъ ваша свобода; теперь скажемъ о вашемъ рабствѣ. Тѣ самые люди, которые назначены изъ васъ для исполненія законовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ бываютъ и высшіе, даже единственные толкователи этихъ законовъ; они и толкуютъ ихъ такъ, какъ это имъ нравится и во всякое время, когда имъ будетъ угодно, эти законы совершенно молчатъ; правительствующіе господа могутъ нарушать ихъ, и вы ничего не можете противъ этого начать, потому что они выше законовъ. Дальше, начальство, которое вы выбираете, имѣетъ совершенно независимо отъ вашего избранія еще другую власть, которая идетъ не отъ васъ». Онъ доказываетъ потомъ (что, конечно, также легко было бы указать въ большей части континентальныхъ конституціонныхъ государствъ нашего времени), что свобода безъ ручательства и силы есть пустая мечта. Къ этому онъ присоединяетъ изложеніе того, какимъ способомъ въ

Женевѣ и вездѣ узурпація и сила мало по малу сдѣлались правомъ. По его мнѣнію исторія Женевы доказываетъ, что и тамъ, какъ во всѣхъ другихъ государствахъ, народъ мало по малу исключенъ былъ отъ всякаго участія въ правительствѣ. Вся дѣйствительная власть, говоритъ онъ, перешла, какъ извѣстно, къ немногимъ господствующимъ фамиліямъ, и управляли только граждане, имѣвшіе въ рукахъ силу, поэтому о конституціи не можетъ быть рѣчи. Знатокъ государственной науки, прибавляетъ онъ, могъ бы за два столѣтія впередъ видѣть то, что съ вами случилось. Онъ могъ бы вамъ сказать: государственное устройство, которое вы дѣлаете, для этой минуты хорошо, но для будущаго оно дурно. Оно совершенно хорошо для введенія свободы, дурно—для ея сохраненія, и именно то, что теперь составляетъ вашу безопасность, послужитъ къ тому, чтобы наложить на васъ иго. Эти положенія служатъ основаніемъ для слѣдующей критики аристократическаго правленія, гдѣ онъ болѣе сурово и рѣзко слѣдитъ, шагъ за шагомъ, тѣ хитрыя мѣры, которыя оно принимало для того, чтобы мало по малу лишить народъ его правъ. Онъ пользуется при этомъ ораторской формой апострофы, и восклицаетъ къ гражданину, съ которымъ онъ говоритъ: вы видите теперь, милостивый государь, политическія уловки людей, которые вами управляютъ. Эти люди мало по малу и совершенно въ тихомолку дѣлаютъ свои нововведенія, такъ что никто не видитъ, что изъ этого выйдетъ, и когда наконецъ это замѣтятъ, и захотятъ помочь дѣлу, то они начинаютъ кричать о нововведеніяхъ. Эти положенія развиваются съ энергіей и ожесточеніемъ, и Женевскій народъ возбуждается здѣсь противъ своего Малаго Совѣта также сильно, какъ Англійскій, въ «Письмахъ Юніуса», противъ короля и министерства. При этомъ Руссо пользуется различными статьями Женевской конституціи совершенно также, какъ этотъ Англичанинъ пользуется своей конституціей или своимъ Блэкстономъ; также какъ Англичанинъ, онъ при этомъ мастерски умѣетъ пользоваться отдѣльными случаями для своей цѣли. Онъ не останавливается, напримѣръ, на тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя были употреблены противъ него, но пользуется и другими сходными случаями, напримѣръ процессомъ книгопродавца Бардена, и дѣломъ одного гражданина, который былъ несправедливо арестованъ, и напрасно искалъ удовлетворенія.

Самъ Руссо замѣчаетъ при этомъ, что онъ есть только органъ духа времени, и что онъ въ сущности ведетъ на континентѣ ту же борьбу за вновь пробуждающееся сознаніе потерянныхъ правъ народа, которую почти въ то же время начали Англійскіе друзья народа въ защиту Уилькса противъ короля и парламента. Это необходимо должно было произвести могущественное дѣйствіе во всѣхъ кантонахъ Швей-